

Закон абордажа

Игорь Недозор

Закон абордажа

«Автор»

2009

Недозор И.

Закон абордажа / И. Недозор — «Автор», 2009 — (Закон абордажа)

Мир огромных островов-материков, которые связывает и разделяет океанский простор. Где моря населены грозными чудовищами, которые, однако, уже научились бояться человека. Мир, где храмы Единого Творца стоят на проклятых камнях ушедшей в пучину страны, само имя которой означает мрак и смерть. Где в прицелах пиратских аркебуз частенько оказываются динозавры. Мир, где так же, как у нас, любят и воюют, и платят золотом за свободу, и платят кровью за золото. Мир, куда вернулись древнее зло и его Повелитель. И оказалось, что некому заступить ему путь, кроме людей Изумрудного моря: корсаров, рыбаков, чародеев, монахов и королевских моряков. Скрестятся шпаги, загрохочут пушки, и магия схлестнется с силой Всевышнего. И будут сошедшиеся в схватке биться по старому как этот мир Закону Абордажа: сражайся, пока не победишь или не погибнешь...

© Недозор И., 2009

© Автор, 2009

Содержание

ХРОНИКА ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Схолия первая	27
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игорь Недозор

Закон абордажа

Книга первая

Закон абордажа

У Зла есть только одна сила – та, которой наделяем его мы.
Р. Брэдбери

...И вспомни, Боже, что судно наше так мало, а море Твое так велико...
Старинная молитва моряков

ХРОНИКА ПЕРВАЯ

СЫНОВЬЯ СМЕРТИ

*Жил однажды на свете Дьявол:
По морям-океанам плавал...*
Наталья О'Шей (Хелависа)

Глава 1

*Год 3342 от Возведения Первого Храма. 12 число месяца Аркат.
Материк Иннис-Тор. Великое Зеленое Море. Остров Ледесма.
Владения королевства Хойделл. Стормтон.*

...Сквозь черный смоляной дым пробивалось кровавое зарево разрастающегося огня. Окружающее тряслось и шаталось, казалось, весь мир вертелся и приплясывал в диком танце смерти.

Казалось, не было уже ничего во вселенной, кроме огня, грома, свиста раскаленных ядер, чертящих багровые дуги в серой полумгле порохового дыма, и треска разгорающегося пламени. Словно «Альбатрос» вместе со своей командой угодил в пятнадцатый ярус преисподней, где обречены вечно сражаться и умирать трусы, дезертиры, мародеры и предатели – хотя они не были ни теми, ни другими.

Просто им не повезло – как не повезло бы любому флейту, взятому в клещи галеоном и фрегатом.

Корабль сотрясался от залпов, и ничего не разглядеть было в дыму; и из дымной пелены с шипящим свистом и воем прилетали вражеские ядра.

Удар и треск – ядро обычное.

Удар и негромкий шипящий хруст – ядро раскаленное, входящее в восьмидюймовый борт, как в масло.

Летающие сверху обломки, канаты, рваная парусина – цепной книппель.

Щепки и лохмотья – картечь.

Видно, командир эгерийцев был сегодня не в духе, раз не заботился о сохранности трофея, твердо решив доконать ненавистного капера.

Самое удивительное – «Альбатрос» находил в себе силы огрызаться.

Еще бухали под палубой его пушки, еще пытались что-то сделать с рваными парусами и снастями матросы, еще зачем-то бестолково размахивали абордажными крючьями морские пехотинцы на баке...

Но к Домналлу это все уже не имело отношения. Бессмысленно было метаться, выкрикивая команды, бегать, спотыкаясь об обломки и трупы. Умереть можно и без этого. Треск ломающегося дерева и треск огня, шипение падающих в воду горящих обломков, хриплый вой эгерийской трубы...

Наверху с треском лопнули канаты, и тяжелый обломок реи рухнул на палубу – а рядом с глухим стуком ударился о палубные доски упавший с мачты матрос со снесенной половиной черепа.

И почти сразу на палубу шлюпа упало несколько бочек, наполненных порохом и гвоздями. Взрыв разнес во все стороны начинку – гвозди, не хуже картечи скосили всех, кто еще смел сопротивляться...

Горели снасти; горели деревянные обломки, горели лохмотья парусов.

И вот из порохового дыма выдвинулась высокая тень вражеского фрегата. Абордажный крюк перелетел через фалышборт и намертво впился в дерево.

Потом что-то ударило по затылку, и палуба поднялась дыбом и бросилась в лицо...

* * *

Он лежал ничком, уткнувшись в смятую подушку.

Было тихо, так тихо – только тонкий звон в ушах...

Пробормотав вполголоса ядреное морское проклятие Хамирану и всей родне его, капитан Домналл поднялся, чувствуя, как дико болит голова.

Прохладная, облицованная панелями красного дерева комната на втором этаже маленького особняка на улице Святого Брандана, что служил ему жилищем, казалось покачивалась, словно палуба.

Затылок буквально трещал, и капитан не мог удержаться – исподтишка запускал пальцы в волосы, ощупывая место удара, где даже шрама не ощутили его пальцы...

Лекарь на корабле дона Ронкадора был отменный – из пленных хойделльцев помниться умерло лишь трое.

Нет, вторая бутылка рома, выпитая вчерашним вечером, была все же лишней!

Медикус кстати ведь предупреждал – хмельным после такой раны увлекаться не след...

Он привычно, поднялся, и позвонил в колокольчик, призывая лакея с умывальными принадлежностями.

Приведя себя в порядок, и распорядившись насчет завтрака, Домналл прошелся по второму этажу жилища, в коем обретался. Покои командора состояли из четырех комнат.

Кабинет с книгами, картами, астролябиями и коллекцией оружия.

Спальня, с широкой кроватью. Вторая спальня – на всякий случай. И гостиная, где принято было встречать гостей, а в иное время – принимать пищу.

Зайдя в кабинет, командор некоторое время изучал висевшие на стене клинки.

Кое-что было взято им в боях а что-то куплено в лавках оружейников или у кабатчиков – видать оставленное в залог пропившимся до последних штанов моряками.

Мощный нордландский палаш, тяжелый широкий обоюдоострый. Привезенный кем-то из за Бескрайнего океана сянский каплянг, изящно выгнутый – его Домналл вытащил из окостеневшей руки поверженного корсара. Пикаронский боевой нож ка-бар; арбоннская офицерская сабля с вызолоченным и богато украшенным эфесом заканчивающаяся головой дракона. Вторая сабля – эгерийская, где на эфесе было почему-то изображение скачущего на коне всадника и надпись латинскими буквами "Виват кабальеро" – золотом на вороненой стали. В цен-

тре всего этог оружейного великолепия висел скромный сайдсворд – семейная реликвия, единственное, что сохранилось после пожара старого поместья.

Позавтракав на скорую руку, Домналл встал из-за стола и отправился к себе переодеваться в мундир. Слуги начали тихо и слаженно прибираться, что было несложно, поскольку офицер обитал тут один. Вернее, с двумя темнокожими слугами – лакеем Грорном и кухаркой Эллис, при которой поваренком и помощником для всяких мелких дел состоял ее сын Анго – десятилетний мальчик недурно играющий на флейте. Эти трое и вели его дом, отлично спарываясь – да правду сказать больше было и не нужно. Ведь – основная часть жизни командора проходила на службе: либо на бастионах, либо в море.

Как-никак, он заместитель начальника гарнизона и дел у него немало!

Конечно, Стормтон хорошо укреплен, но Элл бережет береженого. Известны были случаи, когда отчаянные пираты совершали, казалось бы, невозможное.

Особенно после того, как Рагир Сын Смерти так ловко наострился вскрывать города и форты, словно арбоннский гурман – устричную раковину. А если учесть, что адмирал ок Л'лири, староват и тяжел на подъем, то можно сказать, что именно Домналлу ок Ринну вверен город Его Истинного Величества – Стормтон.

Хоть и небольшой, но город и притом – столица владений Королевства Четырех островов в Дальних Землях.

Сегодня после обеда Ринну предстояло посмотреть, как новобранцы проходят обучение, затем – как идет перевооружение форта. Форт, пожалуй, следовало проверить особенно тщательно – хотя сейчас и мир, но кто знает, что придет в голову королям завтра? Короли ведь почти как Элл – неисповедимы в мыслях своих и путях.

Но сначала он посетит дом губернатора Оскара.

Правда... не ради самого губернатора...

Переодевшись и не без легкого самодовольства глянув на свое отражение в зеркале, офицер вышел из дома и направился вверх по улице Святого Вертранга (или в просторечии Параду) – главной улице Стормтона.

Солнце разгоняло пленительную лазурь полутеней.

Запахи смолы и соленой воды, которыми пропитаны портовые переулки всего мира, уже смешались с ароматами жареной говядины и изысканных вин – повара взялись готовить завтраки. На улицах запахло и горячей выпечкой – ежась, потянулись в утренний обход булочники с плоскими корзинами на головах.

Гремели по мостовым колеса телег. Щелкали бичи. На набережной хриплые спросонок голоса уже предлагали жареную рыбу, устриц и креветок, фрукты, овощи.

Яркие блики сияли в сточных канавах, сверкали капли на листьях овощей в корзинах, придавленные камнями, шевелились черные крабы.

Двое – трое содержателей таверн выкатили на берег бочонки вина и бесплатно угощали всех желающих. Свою прибыль они намеревались получить чуть позже, утоляя жажду, которую сейчас только раздраживали, намеренно предлагая в виде закуси соленую рыбу.

Город жил своей жизнью – пестрый и шумный. Город стоял на самой оконечности длинного песчаного мыса, образующего одну из сторон гавани – обширнейшей, способной вместить разом до полутысячи судов. Здесь сгружались привезенные по морю товары – многое давно оплаканное законными владельцами: тут было не принято интересоваться происхождением груза. У длинных дощатых причалов теснилось множество кораблей, пришедших со всех концов света – от больших каноэ жителей Архипелага, до амальфийских винко, и танисских гурабов.

Таков был Стормтон – главный город острова Ледесма, жемчужины в заморских владениях королевства Хойделл, получивший имя в честь правящей династии.

Стормтон – столица не слишком больших, но и не малых владений короны лежащих в Великом Изумрудном море, расположившемся между зеленым выступом Мерида и длинным, неровным перешейком Ничьих Земель, голубым полумесяцем Ириоланского залива – моря, что отделяло юг Дальних Земель от Севера, а Закатный Океан – от Бескрайнего.

Здесь сгружались привезенные по морю товары – многое давно оплаканное законными владельцами... Три рынка – Морской, Рыбный, и Рабский, что на Таун-Хилл.

Тюрьма, арсенал и купеческие конторы, доки, где ремонтировали и оснащали корабли, мастерские ремесленников и игорные дома.

Особняки со старинными – под стил Канута IX остроконечными крышами чередовались с хибарами, порок, роскошь и нищета соседствовали тут, переплетаясь.

Над дверьми сколоченных из старых корабельных досок заведений висели помутневшие от времени корабельные фонари, а кривые немощенные улочки, носили говорящие сами за себя имена – Переулок Риэлей, Жемчужный Тупик, Серебряная улица, Эспланда дю Адамант, Монетная...

Кого только ни видали эти улицы: стучали по ним солдатские сапоги и шаркали башмаки пьяных матросов; гремя колесами, высекая подковами искры из камня, проезжали в лаковых каретах почтенные негоцианты; шлепали босыми пятками темнокожие рабы, привезенные из далекого Айлана. Одетые в восточные шелка благородные дамы, купцы, рабы, шлюхи матросы и бродяги. И пираты, само собой...

А в таверне «Устрица и якорь» располагалась Пиратская биржа.

Здесь вольные добытчики могли спокойно продать награбленные товары, договориться о выкупе пленников и тут же спустить все деньги в портовых тавернах. Местные купцы предпочитали не задавать лишних вопросов, а в кабаках всегда было достаточно рома, чтобы пьянствовать несколько дней всей командой. Точно также никого не удивляла когда время от времени продаваемые на Таун-Хилл с молотка невольники всех цветов кожи вдруг принимались выкрикивать что-то про то что они свободные люди, взятые в плен коварными морскими разбойниками...

Самое же интересное заключалось в том, что формально никакого пиратства не было. Именно так – не было!

И даже если бы, скажем, в Стормтон явился вдруг эгерийский или арбоннский посол, пусть даже с королевской грамотой, предписывающей оказывать ему помощь в розыске и поимке подрывающих свободу мореплавания корсаров – нарушителей мира и договоров, заключенных монархами, он бы встретил лишь недоуменное удивление губернатора.

Пираты, господин посол?!

Во имя Эллы – какие пираты? Слава Творцу, на вверенной ему земле таких злодеев не имеется! Да разве ж он допустил бы подобное попрание законов божеских и людских?!!

Пиратская биржа?!!

Помилуй Святой Вертранг – покровитель путешествующих, да откуда?!

Вас обманули, ваше превосходительство, тут только мирные купцы, и моряки конвойных фрегатов, оберегающих их от морских разбойников.

Тюрьмы, где содержатся пленники?! И даже ради выкупа?!!

Не может быть, уж он-то знал бы про такое безобразие!

Торговля награбленным?

Немыслимо, на всякий товар обязаны предъявлять купчую.

Рынок рабов?

Есть, как и везде в колониях: как же без этого. Но продаются там исключительно преступники из метрополии и законно вывезенные из Айлана и Танисса невольники. Кстати, вот только вчера его дворецкий купил очаровательную темнокожую деву. Не желает ли господин посланник полюбоваться? Ну, как знает...

Что, даже имеется список подозреваемых?!

Любопытно взглянуть. О, Элл! – покажите того клеветника и лжеца, который его составлял! Да это же честнейшие и благороднейшие люди! Слово дворянина!

Да что говорит почтенный посланник! Эрбан Рокк – это мирный торговец, а вовсе никакой не Морской Кабан! И Рагаллах – вовсе не Железный Кулак! Этим «осведомленным людям» по возвращении посла домой следует всыпать сотню плетей.

Ну а это просто смешно: Барбор Анут – добрейший человек, он и курицу-то не зарежет! Губернатору он хорошо известен, мы ведем с ним дела уже давно. Вот не далее как в прошлом месяце у него было закуплено сорок тысяч фунтов сахара, и сотню мешков айеннского перца, да еще жемчуга пятьдесят фунтов. Откуда он их взял? Да у вашего же купца приобрел, у Хосефа Дадурини. Вот и купчая за подписью этого торговца, полюбуйте... Подпись, печать – все честь по чести. Говорите, мэтр Дадурини погиб вместе с кораблем при нападении корсаров? Как раз в прошлом месяце? Какое несчастье!

Простите, милостивый государь! Нельзя быть таким подозрительным! Вот на Ледесме тоже ходят разные слухи. Но мы же не требуем выдать нам мэтра Ардинелли на том основании, что в наших кабаках его именуют Эгерийским Волком? Что еще у нас говорят? Ну, к примеру, что дон Дракон – это капитан королевского флота Ардо Буньерос де Сото.

Конечно же, грязная клевета, что вы так кипятитесь?!

Так не хотите взглянуть на айланочку?..

Но, разумеется, никакого похожего разговора произойти не могло. Никакому самому глупому королю и самому бездарному царедворцу по другую сторону Океана не могло прийти в голову такой глупости: требовать у соседей-монархов выдачи пиратов. Тем более что никаких пиратов по большому счету и нет. Так, горстка шалунов, прячущихся в глухих бухточках и нападающих иногда на корабли мирных торговцев. Но всех их рано или поздно выловят доблестные королевские эскадры, и все будет хорошо...

* * *

Поприветствовав Домналла, губернатор Оскар ок Л'лири предложил командору сесть.

Огромный, грузный адмирал весьма походил на пирата – как его изображают в дешевых пьесах уличные комедианты.

Лицо со шрамом. Плечи шириной чуть не в дверной проем, грудь, напоминавшая наковальню, руки – похожие на два некрупных свиних окорока.

Дополняли все это кривые ноги кавалериста, хотя губернатор до сих пор сидел на лошади как шут. Благо, вскакивать в седло ему приходилось не часто – разве во время парадов, по случаю тезоименитства монарха или прибытия инспектора из столицы.

В молодости, как говорили, он был изящным стройным дворянином благородного облика, но что поделаешь – несколько лет, проведенных на галерах эмира Эль-Акабы, не могли не отразиться на его облике.

Адмирал позвонил в колокольчик и грубовато велел прибежавшему слуге-мулату принести шоссو.

– Командор, я призвал вас не для того, чтобы спрашивать, как идет служба, – начал он, сразу взяв базилика за хвост. – Во-первых, – пододвинул к Домналлу ворох свитков с большими печатями, – ознакомьтесь – указы короны, что привезли нам из метрополии с последним судном. Заодно оно привезло одну персону, которую я не сказать, что особо рад видеть...

– Это кого же?

Ринн удивился: генеральный инспектор министерства колоний отплыл с Ледесмы не далее как месяц назад, с чего бы одолевать их проверками?

– Об этом потом, – махнул Оскар ладонью, опережая вопрос подчиненного. – Теперь второе, собственно, из-за чего я вас и вызвал. Среди этих бумаг, – непочтительно ткнул адмирал пальцем в высочайшие рескрипты, – его нет, это секретный приказ Адмиралтейства. О нем, правда, уже завтра начнут трепаться в кабаках Стормтона, а через неделю – по всему Изумрудному Морю. Но пока не начали, вы, любезный командор, должны будете составить план привлечения на службу его величеству, на случай военных действий, обретающихся в наших водах корсаров. Сиречь морских разбойников. Которых у нас, как вы знаете, *нет*.

Адмирал хитро сощурился.

– Точнее – выбрать из них тех, кто на самом деле на что-то пригоден в настоящем бою, и назначить старшего. По-видимому, самого опасного и наглого. Кстати, кто, по вашему мнению, среди наших вольных капитанов самый наглый и опасный?

– Игерна Бесст... Альери, – запнулся Домналл.

– Ну, – развел руками губернатор, – то, что она эгерийка, это полбеды. Но назначить леди командиром эскадры невозможно – разве что обеспокоить его величество, чтобы он сделал исключение в Корабельном уставе ради прекрасных глаз сеньориты Бесстыжей.

– Тогда Толино? Или Эохайд Счастличик?

– Нет, не то...

– Ну не Морриганха же от арбоннцев переманивать, – пожал плечами командор.

– А что, было бы неплохо: уж этот к эгерийцам никак не перебежит, – Оскар усмехнулся, обнажив сломанные пожелтевшие зубы.

С годами, как говорили недоброжелатели, он становился все более похожим на отставного боцмана, а не на лорда в одиннадцатом поколении, каким он являлся.

– Хорошо, подумайте, Домналл, и решите. И мой совет – подбирайте не по капитанам, а по командам и кораблям. Я вас больше не задерживаю.

Ринн поклонился и вышел, прихватив злополучные бумаги.

* * *

Уже в передней вспомнил, что так и не выяснил – что это за неприятная персона к ним пожаловала? Но не возвращаться же...

– Командор, я так рада вас видеть...

И миг все вопросы улетучились вон из головы бравого моряка.

Она вошла своей легкой семенящей походкой, в домашнем платье, скупо отороченном кружевами, и волосы не рассыпались ворохом модных локонов, а были собраны в простой узел на затылке. Но Бригитт ок Л'ири казалась Домналлу краше любой расфуфыренной придворной дамы.

– Счастлив засвидетельствовать свое почтение, леди... леди Бригитт.

И не выдержал – отвел глаза. Грудь в глубоком кружевном вырезе корсажа буквально загля все его чувства, в том числе и самые нескромные...

Девушка была высока и стройна. Кожа ее лица отличалась необыкновенной нежностью и тем розоватым оттенком, который так свойствен девушкам северных стран.

У нее были длинные волосы светло-русого цвета, отливавшие скорей серебром, чем золотом. Они были заплетены в толстую косу, завязанную голубой лентой с жемчугом. Ее красивые глаза, цвет которых нелегко было определить, временами поблескивали вороненой сталью, а тонкие брови были темными.

Бригитт была одета согласно последней моде, вернее, моде годичной давности, только сейчас дошедшей до Дальних Земель. Платье из голубого шелка с кружевным воротом – очень элегантное, в то же время строгое – ничего похожего на арбоннские с их почти голыми грудями и спинами, обнаженными до самых... м-м-м, округлостей. На нем не было ни золотых,

ни серебряных украшений, хотя у ворота висело несколько нитей черного и розового жемчуга, наверняка стоившего не одну тысячу ризелей, а в ушах сверкали серьги с двумя крупными изумрудами. Ее сопровождали две камеристки – красивые мулатки.

– Батюшка освободился? – лучатся лукавством очи прелестницы, в которых можно утонуть.

– Э-э-э...

Отчего ж он так неловок? Право, ему легче управиться с сотней отъявленных головорезов, чем поговорить с одной девицей!

– Так точно, – ответил Ринн невольно и тут же поправился. – Да, губернатор сейчас один.

– Кстати, милорд Домналл, вы бы не могли сегодня составить мне компанию сегодня после обеда?

И добавила.

– Моя старшая служанка, Нирта, выходит замуж, я даю ей вольную... Хотя это и не принято, но я намерена посетить сегодня рынок и выбрать себе новую. Так что вы скажете?

– Да, конечно, я приду... – кивнул Домналл.

– Я надеюсь на вас...

Девушка прошествовала мимо и скрылась за дверью отцовского кабинета. А Домналл еще некоторое время стоял столбом, пока не расслышал ехидные смешки мулаток. Грозно нахмурившись в сторону нахалок, командор удалился.

Глава 2

За почти 10 лет до вышеописанного. Северо-Западный Маргиб. Год 1238 от Воплощения Провозвестника, день Скорпиона месяца иниб по танисскому счету времени.

Алое Море. Остров-Без-Имени.

Казни, как известно, бывают разными.

За все время, пока род людской топчет лик мира, немало измыслил их людской ум.

В землях далекого востока – Донг-Чен, Сейганд, Икон – осужденных перепиливают пополам тупой пилой, сажают на бамбук, на худой конец – скармливают тиграм.

В державе Сянь преступников-простолюдинов забивают палками, но палками не слишком тяжелыми, дабы злодеи умерли сразу, а почувствовали, что умирают. Более важных злодеев умерщвляют с помощью долгих изощренных пыток. Палач мог поплатиться своей головой, если жертва погибала раньше назначенного срока, который был, случалось, весьма долгим – например, великого мудреца Му приговорили к двум годам медленной смерти – за то что слишком мудрствовал.

В Тарунии и Вардарии осужденного зажимают между двух досок и пускают поверху слона. В Хелмии бедолаг бросают в загон с разъяренными быками, и те пронзают его рогами или затаптывают насмерть.

В Сурии, стране еще достаточно диковатой, преступников просто и без затей запарывают семихвостым кнутом. Во владении этим нехитрым инструментом сурийцам равных нет – могут убивать жертву и пять минут, и два часа, а могут высечь так что человек уйдет своими ногами с помоста после сотни ударов. Не зря сурианских палачей-кнutoбойцев выписывают себе все окрестные государства!

В северных землях – от Свеарланда до Ютарка, злодеев обычно приговаривают к «каменной смерти» – попросту заваливают тяжелыми валунами, или бросают в яму с волками. Правда самым доблестным и заслуженным преступникам позволено умереть с честью, с оружием в руках – сражаясь коротким тупым мечом и в одной набедренной повязке против двух-трех одоспешенных копейщиков.

Уточенные патриции Амальфии выдумали всякие изысканные приемы, вроде бассейна с акулами и крокодилами, или постоянно заливаемого водой каземата, откуда узник сам должен ее откачивать, а как упадет он без сил, то и все...

В Эгерии предпрочитают плаху и топор, или деревянную винтовую гаротту – хотя и костер сгодится. Арбоннцы предпочитают разрывание четвермя лошадьми – называя это с присущим им юмором: «Отпустить на все четыре стороны».

Хойделльский закон весьма милостив и снисходителен – там мало кого наказывают смертью. Ну разве для самых закоренелых предусмотрено потрошение живьем.

Ограничиваются тем, что осужденным отрезают носы, выкалывают глаза и вырывают «части тела, являющиеся признаками пола». А если злодей не переживет подобного – на то воля благого Элла.

В Омасской державе за изнасилование или прелюбодеяние мужчина также «подлежит лишению своего естества под ножом палача». А ведь в Книге Провозвестника сказано: «У кого раздавлены ядра или отрезан детородный член, тот не может войти в Царство Всемогущего».

Но самый изобретательный в мире народ по части пыток и казней – танисцы. Великий законовед Ар-ад-Берми как-то вздумал, собрав уложения и законы разных государств – больших и малых, где живет это племя, пересчитать все способы какими танисцы лишают жизни виноватых. Но, дойдя до триста двадцать второго, бросил это дело в великой скорби. И было отчего – тут тебе и растирание жертвы между жерновками, и толчение в гигантской ступе, и

сдирание кожи с живого человека с посыпанием солью, и повешение семью способами, и четвертование в разной последовательности, и утопление...

В Южной Эгрии, она же Северный Танис, приговоренного сначала морят жаждой, а потом дают ему пива со снотворным. И пока он лежит одурманенный, стальной проволокой перетягивают ему мужской член, накрепко связав руки. И бедолага умирает от разрыва пузыря, или оттого, что моча загнивает в его внутренностях – умирает долго и мучительно.

В Джарбе смертнику вставляют сухие камышинки во все отверстия тела, и заливают кипящее масло.

В торговом городе-государстве Асландир, на мысе недалеко от входа в гавань, построили «Башню Конца», куда привозят приговоренных – от изменивших мужьям жен, до богохульников, бросают их с высоких стен прямо на острые камни, которыми выложен двор башни. Хорошо, если несчастный сразу разобьет себе голову и легко умрет. Но каково ему лежать с переломанными руками и ногами на жарком солнце среди смердящих трупов уже казненных, и ждать мучительной смерти? Ужасные крики тех, кому не повезло, слышат и прибрежные жители и команды входящих в порт кораблей – возможно поэтому Асландир – самый спокойный из городов Багряного Моря.

Эмир Шадды устроил в своем зиндане клоповник, где развели тысячи и тысячи клопов. Мало кто может прожить там больше недели.

А вот Сонгайский султанат прибавил к этому списку еще один способ. А именно – Остров-Бе-Имени, он же Черная Скала. И при этих словах у самого закоренелого душегуба на всех землях Сонгаи от выжженных солнцем гор Серенди до веселых портов Алыгунского берега сводит сердце нехорошим холодком...

* * *

Солнце, неспешно закатывалось за горизонт. На море царил полный штиль. Еле заметные холмики волн от весел галеры, не в силах рассыпаться белыми брызгами, лениво обтекали прибрежные камни острова.

Остров был невелик. По сути, то был громадный утес, обрывистая скала, выступающая из моря, изглоданная ветрами и прибоем, прорезанная примерно на половине своей высоты сквозным тоннелем-гротом. По легенде, древней и зловещей, отверстие в скале было пробито стрелой великана во время какой-то великой битвы добра и зла.

А вообще много было легенд про этот ничем вроде не примечательный клочок суши милях в трехстах к западу от Аль-Гардара. В большей части говорилось о том, что в прибрежных водах обитают злобные демоны, по ночам сосущие кровь людей, имевших неосторожность высадиться на острове. Потому и обходили его моряки десятой дорогой. Лишь иногда подходили сюда корабли, спускали лодки, которые причаливали ненадолго к берегу, но тут же и отходили. Не из любопытства – уж скоро как три века остров этот служил местом казни для особо закоренелых разбойников, убийц и грабителей, заговорщиков и преступников, «осквернивших имя Божье».

Побывавшие единожды на Скале стражники больше ни за что не хотели туда возвращаться. И когда при них заходила речь о зловещем рифе поспешно творили знаки, отгоняющие нечистую силу. Что уж они там такого видели – толком никто объяснить не мог. Говорили про обглоданные, изгрызенные кости, разбитые вдребезги черепа, и еще про то, что черепов этих и костей слишком мало сравнительно с числом выброшенных на безымянную скалу злодеев.

Ар-Рагир аб Фаргид стоял на каменистой отмели, и смотрел вслед дхоу, удалявшемуся от острова. Она только что освободилась от очередного груза человеческих отбросов, и два десятка преступивших закон бывших людей выбирались из воды на гранитный берег. Бывших,

ибо перед тем, как подгоняемые ударами пик, они покинули трюм, служитель Создателя Миров пропел козлиным голосом чин отрешения от Всемогущего Отца и милостей его.

Отныне будут прикованы они к проклятой скале, если не смиростивится над ними Владыка Вечности, то навсегда.

Утес спокойно и безучастно принял очередную порцию осужденных, как и много раз до этого. Корабль быстро уходил прочь от острова, провожаемый ненавидящими взглядами оставшихся на мертвых камнях людей.

Молча они стояли у кромки прибоя, словно ожидая чего-то. Все двадцать душ, обреченных на столь необычную и ужасную казнь.

За дни в тюрьме и в вонючем трюме они уже знали друг о друге – кто и за что сюда попал. Что не сказали сами, то поведали издевательские разговоры тюремщиков.

Плачущий старик – почтенный молла Аб-Дарун угодил сюда, будучи застигнутым в хлеву с козой. А сказано Провозвестником «Кто ляжет со скотиной, как с женщиной, тому смерть». И подавно непростительно, если служитель Всемогущего совершит это. Так его со спущенными штанами и тащила до городской тюрьмы толпа прихожан, еще вчера внимавших словам старца с открытыми ртами.

Два темнокожих, похожих, как братья, пастуха с Гидийского нагорья. Как это не смешно, но они тут за то же самое, что и Аб-Дарун. Они, подобравшись к стаду дромедаров, попытались изнасиловать молодую верблюдицу, но были пойманы рабами, охранявшими стадо. Вообще-то на этих дикарей смотрят обычно сквозь пальцы, и в худшем случае – быть бы им битыми жестко плетью. Но верблюдица оказалась из стада тарика тамошней провинции. И повезли двух диких, казалось, и говорить-то толком не умеющих пустынных бродяг сперва в столицу, дабы выставить у позорного столба, затем в Наридалу, а потом, в трюме парусника, сюда, где им и суждено остаться.

Угрюмый звероподобный, заросший шерстью, как дэв, Сином-Зуболом – головорез из шайки знаменитого разбойника Хаша Тачи, однажды вырезавшего целую семью в четырнадцать живых душ ради нескольких медных монет и узла с тряпьем. И хотя сам Тачи и большая часть его шайки уже умерли на кольях, а тела их насытили голошеих стервятников ма-раббу, все равно еще долго жители предместий высокостенной Наридалы будут пугать детей именем его.

Шестеро тайных поклонников Агибалла – держаться вместе и угрюмо, исподлбья оглядываются. Ну, с этими все ясно. Как имеющий некоторое отношение к Тьме, Ар-Рагир знал, что если не все, то половина того, что приписывают слугам этого запрещенного, злобного бога, пришедшего из неведомой тьмы времен, – святая правда.

Трое здоровяков в рваной морской одежде. Это контрабандисты из какой-то эл-имарской шайки. Их сгубила жадность – застигнутые портовой стражей «на горячем», они вместо того, чтобы бежать, бросив товар на радость слугам эмира, решили защищать добычу, понадеявшись на остроту мечей.

И, наконец, он сам – Ар-Рагир аб Фаргид, ученый чародей.

Подождав, пока привезшее их сюда суденышко сначала превратилось в крохотную точку, а затем и вовсе исчезло из вида, обреченные разбрелись кто куда. Но далеко от берега не уходили, может, надеясь на то, что корабль вдруг вернется.

Удалившись в тень, отбрасываемую высокой скалой, Ар-Рагир устроился на большом плоском камне и принялся размышлять. Голова работала плохо. Ломило затылок, кровь билась в виски. С чего бы это? Уж не подцепил ли он какую-нибудь хворь от *этих...* Впрочем, похоже это уже не имеет значения...

Да, обидно умирать в три с небольшим десятка лет, тем более, если ты – истинный чародей, к тому же находящийся на пороге подлинного мастерства и могущества.

Семнадцать лет назад, после того как отец, чахоточный лекарь-неудачник отдал обнаружившего магический талант сына в обучение к мастеру Ар-Радиру, знатоку целительской магии, Ар-Рагир начал искать ключи к тайному знанию, которое даст ему силу, что вознесет его над прочими людьми на головокружительную высоту.

...Он читал чудом уцелевшие запретные книги, изучал шаманство черных колдунов с юга Айлана и магию фаранджийцев, совершил путешествие в Уаджет в поисках древней мудрости. С возрастом, изучив книги и летописные записи о древней магии он пришел к выводу, что действительно великое колдовство, делающее человека могучим, как божество, с течением столетий стало просто невозможным. Магия, словно родник, бывший ключом в древние времена, из которого каждый мог наполнить себя, как сосуд, доверху, теперь превратилась в грязную лужицу, и уже невозможно было зачерпнуть из нее больше пары капель, да и то с большим трудом.

Но Фаргид работал с тем, что оставалось в распоряжении подобных ему людей, и уже к двадцати пяти годам кое-чего достиг. Особенно в демонологии и некромантике. В последней, как признавали коллеги по ремеслу, ему не было равных среди живущих ныне чародеев Таниса. Оттого и не бедствовал, потому как много находилось охотников пообщаться с теми, кто переселился в Царство Всемогущего.

И надо же так проколоться! Попался на горячем, когда норовил с помощью своего искусства отыскать клад, который прежний султан зарыл в припадке помешательства (которое и свело владыку в могилу).

В другое время его, глядишь, и отпустили бы, удовлетворившись приличной мздой. Но Фаргиду дико не повезло. Как раз за две недели до ареста молодой султан, очень внимательно прислушивавшийся к разным старцам и богословам, по их наущению подписал новый фирман о борьбе с черной магией.

В другое время Ар-Рагир затаился бы, воздерживаясь от занятий *искусством*. Но, как назло, он понадеялся на вельможу, с чьей подачи он и затеял поиск клада, и позволил себе проигнорировать объявление священной войны черным колдунами и чародеями. За что и поплатился.

В итоге он был схвачен, накормлен снадобьями, лишаящими всякой магической силы, обвинен в некромантии и поклонением демонам...

И вот теперь он на этом проклятом острове, по воле подписавшего приговор палача зиндиков.

Надо сказать, что и «заказчику» не поздоровилось. Правда, его участь была более счастливой – вельможу просто удавили...

Тяжелая рука легла на плечо.

– Эй, приятель, ты часом жертвой не богат?

Чародей скосил глаза.

Перед ним, нагло скалясь, стоял высоченный мордоворот. Многочисленные шрамы на теле, а также воровское клеймо на лбу не оставляли сомнений в роде его занятий. Хотя, случалось, что клеймили не только виноватых.

– Так как, не желаешь поделиться последним куском с ближним, как учит Пророк?

Мощные пальцы пребольно вцепились в Ар-Рагирова плечо.

– У меня нет еды, – миролюбиво ответил и попытался сбросить наглую лапищу, но не преуспел в этом.

– А мне сдается, что ты врешь, – прищурил око здоровяк. – Я своими глазами видел, как ты только что работал челюстями.

Что за бредни, удивился маг. А, никак он опять говорил сам с собой (такое с ним случалось, когда бывал взволнован), вот наглецу и померещилось, что Фаргид ел втихаря.

– Говорю тебе, нет у меня съестного.

И чтоб не донимал лишний раз, пустил в невежу «Огненную Змейку». Мордоворот тут же одернул руку и затряс ею в воздухе. Ничего, слабый ожог должен его вразумить.

– Ты чего?! – вызверился крепыш. – Я к нему по-доброму, а он...

Вот же пиявка! И чего это он такой злой? Вон, другие сидят себе, окаменев от горя, а ему неймется. Думать мешает, сволочь!

В сердцах плюнул приставале под ноги. Плевков на лету превратился в злобную ящерицу, не преминувшую цапнуть здоровяка за большой палец. Укусила, и тут же скрылась среди камней.

Иллюзия, конечно. Но и того хватило, чтобы поставить хама на место.

– Ладно, уважаемый, извини, ошибся, – примирительно сказал разбойник, косясь в сторону каменной россыпи. – Давай познакомимся, что ли?

В последовавшем за тем недолгом разговоре выяснилось, что нового товарища Фаргида зовут Динар Аррудж и осужден он за дерзкую попытку убийства шейха с целью ограбления.

Выяснив таким образом отношения, они двинулись на поиски пищи. За ними последовало еще пять или шесть ссыльных.

Начали с прибрежных вод в надежде обнаружить хоть какую-то живность. Результат оказался неутешительным. Уже в нескольких футах от берега дно крутым обрывом уходило вниз, не давая прибежища крабам и мелкой рыбешке. То же и с берегом. Даже моллюска завалящего не нашлось.

Молва не ошибалась... Ар-Рагир с тоской поглядел в кристально прозрачную даль моря. И внезапно почувствовал, что кто то стоит у него за спиной. Маг обернулся. Никого!

Все товарищи по несчастью перебрались уже на более отлогий противоположный берег рифа. И все же маг ощущал чье-то присутствие. Казалось, обернись он быстрее, он оказался бы лицом к лицу с этим невидимкой. Или это какая-то из неприкаянных душ сотен и сотен погибших жуткой смертью среди этих мертвых камней?

Ар-Рагир, объятый суеверным ужасом, заспешил туда где звучали голоса людей...

Тем временем солнце скрылось за горизонтом. Вскоре на остров должна была опуститься непроницаемая тьма ночи. Пора было позаботиться о ночлеге.

После недолгих поисков они обнаружили более-менее плоский и широкий камень, на который можно было улечься без особой опасности скатиться в какую-нибудь яму или в воду. Нагретая за день скала была теплой, и люди, утомленные тюрьмой, переездом на остров и страхом, почти мгновенно уснули на жестком ложе.

* * *

Ар-Рагир проснулся посреди ночи. Что-то потревожило его. Словно позвал кто.

Открыл глаза и тихо повернул голову. Рядом, широко раскинув руки, посапывал Ардуж. А вот в трех шагах...

Чародей содрогнулся от омерзения.

Парочка гидийских пастухов усердно трудилась над тем, что еще недавно звалось Аб-Даруном. В ярком лунном свете было видно, что голову старику размозжили острым тяжелым камнем. Он же послужил каннибалам чем-то вроде разделочного топора.

Слышались хруст и чавканье, от которого у Фаргида, человека неробкого и немало повидавшего, зашевелились волосы.

Он торопливо отвернулся, и в этот момент почувствовал, как из бесконечной морской глубины поднялось холодное НЕЧТО, которое на короткое мгновение коснулось его сознания и исчезло, вернулось в бездну, откуда пришло.

Но оно БЫЛО.

Остров действительно скрывал в себе некую неведомую и чудовищную силу.

Естественно, Фаргид уже не заснул. Он боялся даже сомкнуть глаза. Лежал, пялясь в мерцающее звездное небо, и чего-то ждал.

И не напрасно.

Где-то через час или около того (чародей, как и все его собратья, обладал чувством времени – а как же без этого творящему заклятия) ОНО пришло вновь. За спиной у него раздался пронзительный душераздирающий крик – на этот раз не повезло Синому-Зуболому, которым решила заняться парочка контрабандистов.

Удар, сдавленный хрип, звуки чудовищной людоедской трапезы.

И вновь – ЕГО прикосновения. Прикосновения к обнаженной душе, к разуму Фаргида. Прикосновения бестелесных лап (или что там у НЕГО – щупальца, хоботы?)

Практикуясь в каком бы то ни было магическом искусстве, Ар-Рагир всегда твердо помнил одно – жизнь его представляет для него наивеличайшую в мире ценность, и потому старательно изучал все доступные заклятья защиты. Сейчас это знание оказалось как нельзя уместным.

Полностью отключив внешнее зрение, колдун очертил в воздухе Знак Ларда и произнес несколько Слов, что сохранились в самых древних и зловещих тайных книг.

Но эффект был вовсе не тот, какой маг ожидал. Некая часть его отделилась от плоти и нырнула в каменную расщелину.

Внутреннее зрение вело Ар-Рагира в глубь древней скалы, на десятки и сотни футов вниз под океанское дно. Там простирался огромный лабиринт пещер, колодцев и трещин. И в этом лабиринте было что-то живое. Что-то чудовищное. Фаргид уловил медленное движение некоей бесформенной массы, поднимавшейся к поверхности лабиринта.

Владыка Вечности! ОНО действительно существует!

НЕЧТО заскользило, словно сметающая все лавина с гор, и чародей почувствовал, как ужас стальными клещами сжал все его внутренности, не давая вздохнуть.

Колдун медленно и осторожно проникал в сознание неведомой твари. Зрение его раздвоилось. Глаза твари на какое-то время стали его глазами. Уставившись в звездное небо, практически не различая его, он в то же время отчетливо видел, как чудовище поднимается по каменным лабиринтам к поверхности небольшого колодца.

* * *

...Слепой... Не вижу, ничего не вижу... Кругом мрак... Дышу мраком, пью мрак, ем мрак... Волны текут сквозь меня, твари морские ласкают скользкими струйками... Осыпь песка шуршит, наполняя тьму снами...

...Тьма и холод... Во тьме вспыхивают мелкие точки огней...

...Что-то мелкое, извивающееся проплывает мимо, слишком медленно... Пища... Еще пища... Много доброй еды... Насыщение...

Тьма вокруг... Она колышется, как живая...краем глаза можно заметить движения во тьме...на самом пороге слышимости стоны, скрипы, скрежет, чавканье, голоса, снова стоны...опять движение...ветер по спине...оборачиваюсь...смех...снова ветер за спиной...мой страх рвется наружу...снова смех...слышно как капает вода...а может кровь...тьма...голоса становятся громче...слышу свое имя...они зовут...меня...они ждут меня...я начинаю вспоминать...боль...да, сладкая боль...я помню...я знаю...Древние Слова... Древний Огонь...

Сознание мгновенной вспышкой вернулось к Ар-Рагиру. Он затряс головой, пытаясь сбросить остатки наваждения, обрывки чужих нечеловеческих мыслей. Краем глаза различил в предрассветных сумерках, что на площадке стало еще просторнее. Но ему было не до каких-то исчезнувших язычников.

И тут он снова ощутил прикосновения чужой силы к его разуму. То ли она почуяла его попытки творить волшебство, то ли просто решила, что он станет его следующей добычей...

И тогда он решился на то, от чего дружно предостерегали все учителя и писания самых зловещих культов...

– О, **ТЫ**, *Неуспокоенный*, – всплыли из глубин памяти и полились из груди слова древнего заклинания, прочитанного в черной Книге Носатого.

– *К ТЕБЕ* взываю, Владыка. **ТЫ**, кто утаскивает во тьму свои жертвы и уничтожает их, и кто живет за счет слабых и беспомощных, и пусть я никогда не стану слабым и беспомощным перед **ТОБОЙ**, и пусть я никогда не буду повержен **ТОБОЙ**. И яд **ТВОЙ** никогда не проникнет в члены мои, ибо члены мои подобны **ТВОИМ** членам. И как **ТЫ** не будешь повержен, так и я не буду повержен **ТОБОЙ**, потому что я слуга **ТВОЙ**, я часть **ТЕБЯ**, плоть от плоти **ТВОЕЙ**. Так не дай же смертельной боли, пронзающей **ТЕБЯ**, охватить члены мои. Я слуга **ТВОЙ**, и меня защищает сила, которая остается с **ТОБОЙ** на вечные времена. **ТЫ** тот, чье имя сокрыто от посторонних, и чье жилище священно на миллионы лет. **ТЫ** тот, кто обитает во мраке, и я с **ТОБОЙ**. Я тот, кто никогда не будет повержен **ТОБОЙ**. Я силен **ТВОЕЙ** силой! Мы – одно! Мы – возродимся!

* * *

Закончив молитву – клятву верности, Фаргид тут же ощутил, что тяжесть, давившая на виски, исчезла. На душе стало тихо и спокойно, как после отпущения грехов на великий праздник Покаяния. Ар-Рагир откуда-то узнал, что все будет в порядке, он будет спасен, и ему не суждено стинуть на этой зловещей скале...

Он забылся тяжелым сном.

Но быстро пробудился, как будто кто-то позвал его по имени.

Ар-Рагир встал, глянул и поначалу даже не поверил глазам своим.

На горизонте маячил парус. Корабль двигался со стороны открытого моря. Это явно не была дхоу, доставлявшая осужденных – под страхом казни капитану было запрещено возвращаться, да он и сам не захотел бы сделать этого. Ветер быстро подгонял его, и уже вскоре стало видно, что это небольшой мореходный дармун с косыми парусами, сейчас наполовину спущенными и обвисшими.

Первым побуждением чародея было разбудить товарищей по несчастью.

Но оставив все сомнения и отринув жалость, он перешагнул через спящих (никто даже не пошевелился), спустился к воде и вошел в нее.

До корабля было далеко. Фаргид, изрядно ослабевший, усомнился в том, что сумеет доплыть до судна. Однако ж поплыл. И словно бы нечто влило в него новые силы, заставив забыть о сводившем живот голоде и усталости.

Когда Ар-Рагир оказался под самым бортом, волна подхватила чародея и услужливо поднесла к канату, свисавшему с борта прямо в воду...

И история мира изменила свое течение в миг, когда, кое-как перебирая руками и ногами, он вылез на палубу... Не загремел гром и не потемнели Небеса – лишь далеко на севере, за мрачными стенами никому неизвестного аббатства в глубине шлифованного камня блеснула еле заметная искра...

Глава 3

Год 3342 от Возведения Первого Храма. 13 число месяца Аркат.

Материк Иннис-Тор. Великое зеленое Море. Остров Ледесма.

Владения королевства Хойделл. Стормтон.

Как уже говорилось, из отправляемых в метрополию докладов следовало, что пираты были горсточкой отщепенцев, которых вот-вот истребят.

Представитель этой самой *горсточки*, Эохайд Эомар, среди товарищей по ремеслу более известный под прозвищем Счастливчик, командир шлюпа «Отважный» в данный момент направлялся в таверну. И в самом деле, где бы еще проводить пирату время, проматывая награбленное, как не в таверне?

Правда, на пирата он не слишком подходил. Самое обычное лицо хойделльца – голубые глаза под копной чуть рыжеватых волос, ровные черты лица, которые не особо портил даже сломанный – след кабацких драк – нос, и шрам на подбородке. Да и висевшая на перевязи эгерийская шпага не была любимым оружием корсаров.

Тем не менее, Эохайд Счастливчик был именно пиратом, и не из последних – о чем свидетельствовала награда за его голову в пять тысяч риэлей, назначенная эгерийцами, и три тысячи леореннов, установленная министерством колоний Арбонны.

А в таверну он шел не проматывать деньги, а зарабатывать. Пиратство занятие, конечно, выгодное, но выгода эта неровная да переменчивая. И случается даже пирату, как бы ни был он удачлив, сидеть на мели.

Вокруг кипела обычная портовая жизнь: сновали торговцы, приказчики, прошествовал королевский патруль, из таверн, окна которых выходили прямо на набережную, доносились звуки умеренного утреннего сквернословия. Морские волки, завсегдатаи питейных заведений, еще не успели нагрузиться, как следует, и пока лишь вяло переругивались.

Впрочем, в «Луне и устрице» было тихо и благопристойно.

Здесь не случалось ни разу поножовщины или стрельбы, и не плясали ночами под стук барабанов голые негритянки.

Таверна эта была не самой большой и не самой роскошной в городе.

В иных тавернах имелась мебель красного дерева, а занавеси – из священных церковных облачений. Были кабаки, где кушанья подавали на золотой посуде, а вино и ром – в кубках, украшенных жемчугом и бирюзой.

Но серьезные дела, серьезные люди и большие деньги, как известно, любят тишину. Или, как говорят амальфийцы – «Мышь надо ловить молча».

Поэтому именно в этом тихом месте пиратские капитаны договаривались о совместных рейдах, заключали консорты, выясняли, какой товар нужен кому-то из «своих» торговцев, чтобы поохотиться именно на него. Тут можно было занять денег под долю в будущей добыче, или договориться о сопровождении ценного груза (брались и за такое) или, наоборот – об охоте за контрабандистами...

Разные вопросы обсуждались за стенами «Луны и устрицы», и многие тайны прояснились бы, имей эти стены уши.

Но ее хозяин – старый Самт, одноглазый и хромой квартирмейстер знаменитого Талифа, умел хранить чужие тайны.

Чужому человеку, случайно сюда забредшему, вежливо, но настойчиво указывали на дверь. Шпиону... До мутной быстрой речушки, уносящейся в Великое море, с заднего двора «Устрицы» буквально рукой подать...

Счастливчик прошел к свободному столу и сел на табурет.

Заказал бутылку вина.

Пока сам хозяин нес хмельное, Эохайд окинул взглядом таверну. Время приближалось к полудню, и в этот час посетителей здесь было немного.

Когда бутылка вина оказалась на столе, капитан откупорил ее и налил вино в глиняную кружку.

Не успел он сделать несколько глотков, как к его столу подкатился трактирщик.

– Простите, что отвлекаю, капитан, – наклонился он к уху Эохайда, – но вас просил позвать вот тот человек. Говорит, это очень важно. И... он хотел бы поговорить в отдельном кабинете.

Эохайд оглянулся.

На него смотрел немолодой уже человек в черной с золотой вышивкой одежде клирика. Он сидел, потягивая вино и оглядывая зал.

Черная священническая шляпа с лиловой лентой лежала рядом.

Несмотря на худые руки и мирную внешность, было в нем что-то воинственное – как в немолодом сухощавом генерале, отчего кафтан, доходящий до колен и застегнутый на все пуговицы, казался похожим на мундир.

Все это дополнял короткий клеймор на поясе – оружие почти исчезнувшее даже как церемониальное.

– Ну, хорошо, проси... – и Счастливчик поднялся из-за стола, направляясь в кабинет.

– Добрый день, капитан Эомар. Желаете вина? А может быть, рому? – спросил человек, как только фигура Эохайда появилась в проеме. – Присаживайтесь, не стесняйтесь.

– С кем имею честь? – тут моряк невольно улыбнулся, вспомнив, что в ниже-хойделльском «имею честь» звучит двусмысленно.

– Зовите меня пока Эгин. Преподобный Эгин. Я представляю церковь Владыки нашего Элла в королевстве Четырех Островов. Пока этого достаточно. У меня для вас дело.

– Я слушаю, – Эохайд сел и налил себе лимонного сока с ромом.

– Не буду говорить долго. Вам нужно будет в течении трех дней выйти в море и сплавать в одну бухту, чтобы там забрать некий груз. Груз очень дорогой и важный для матери нашей церкви. Вы получите ровно треть от его стоимости – можно прямо на месте. А пока вам заплатят тысячу эгерийских риэлей задатка.

Усмешка сползла с лица Счастливчика, уступив место серьезной мине. Он наклонился вперед.

– Форт, корабль? Кто охраняет? Сколько людей?

– Скорее всего – никого, – последовал ответ.

Эохайд не удивился. Эохайд не обрадовался. Эохайд задумался.

– Что за груз?

– Думал, у вас не принято задавать лишних вопросов, – нервно бросил собеседник.

– Я и не задаю, – процедил капитан. – Лишних.

– О характере груза скажу только после того, как мы подпишем... консорт? Так это называется?

– Не знаю, как у вас там, уважаемый Меч Истины, а у нас не принято покупать крысу в трюме, – с прохладцей процедил Эомар.

– Я ведь могу поискать и менее любопытного... Кстати, как вы узнали, кто я?

– Можете, – пожал Эохайд плечами, – но имейте в виду: менее любопытный сто против одного окажется и более жадным. И вы рискуете недосчитаться своего груза – в лучшем случае. В худшем – головы... или другой важной части тела.

Что ж до второго вопроса... Так сложилось, что ваш орден я неплохо знаю, и не скажу, что очень хорошо к нему отношусь. И если уж хотите, чтобы вас не узнали, то, по крайней мере, снимите этот ваш дрючок!

– Этот, как вы выразились, *дрючок*... – начал было собеседник, и глубоко задумался.

Провел ладонью по гладко выбритому подбородку.

– Ну, хорошо, видимо все-таки придется раскрыть карты. Да, вы правы. Я – Северин Эгин ок Серчер, генерал-камерлинг ордена Меча Истины, и я желаю нанять вас. Пользуясь данным мне правом, готов дать всем участникам плавания разрешение и отпущение грехов, а тем, кого в метрополии ждет кара, дать охранные грамоты.

Вот теперь Счастличик и впрямь изумился.

Перед ним был сам Северин ок Серчер – бывший епископ Хойделльский, то есть второй человек в церковной иерархии королевства четырех островов. А еще – бывший вице-канцлер. То есть третий человек в иерархии светской после Первого министра и канцлера. А еще как помнил Эохайд, злые языки говорили что преподобный Северин на самом деле был третьим если считать от Первого министра. И вторым – если считать от короля.

До недавнего времени.

Потому что известие о неожиданной отставке «серого епископа» и уходе от дел светских, дошло уже даже сюда.

Капитан невольно приподнялся, склонив голову в полупоклоне. На большее от Эохайда Эомара мог бы рассчитывать разве что король, или Предстоятель.

– Не нужно церемоний, – попросил епископ. Ныне я всего лишь скромный генерал-камерлинг одного из монашествующих орденов матери нашей церкви.

– Значит, отпущение и помилование... – повторил джентльмен удачи. – Интересное дело. Озадаченно почесал затылок.

– Более того, если даже кто-то из вашей команды приговорен к смерти, то я имею право помиловать его именем короля. Вам достаточно попросить меня...

Лицо Эохайда вдруг помрачнело.

– Спасибо, – пробормотал он. – Но тому, за кого я бы мог вас попросить, ваше помилование уже не нужно. К делу, что нам предстоит? И, пожалуйста, святой отец, не лукавьте, иначе дела не будет.

– Все очень просто – вы в моем сопровождении добираетесь до места, грузите золото на корабли и уплываете.

– На корабли? А кто второй?

– Пока еще не знаю... хотя кандидатур не так много.

– Кто бы он ни был, сначала вам придется спросить у меня – согласен ли я с ним плыть куда-нибудь, и вообще – сяду ли я с ним на одном поле... отдохнуть! – нервно выпалил Эохайд.

– Ладно, – кротко кивнул епископ. – Теперь я...

– Извините, преосвященный Северин, теперь я буду задавать вопросы. Первое: почему бы вам не воспользоваться услугами королевского военного флота?

– Вы не дали мне досказать, – нервно поморщился прелат. – Мы поплывем севернее Змеиной реки.

– А, Ничьи Земли, – кивнул Счастличик. – Но все равно непонятно. Можно подумать, это кого-то особо останавливало. Есть еще причина?

– Вас не проведешь, – добродушно покачал головой Серчер. – Ну хорошо, думаю, что могу сказать. Во первых – должен раскрыть карты – особого выбора у меня нет: корабль на котором я прибыл сюда, и на котором рассчитывал продолжить плавание, не сможет выйти в море по меньшей мере месяц.

(«Точно», – кивнул про себя Эохайд. Флейт "Орлан" попавший в ураган на подходе к Стормтону по совести говоря лучше бы оттащить на корабельное кладбище.)

И второе – так получилось что дело это не касается королевства Хойделл, но лишь святой церкви.

– Вот как? – вздел брови моряк. – Тогда, конечно, понятно.

То, что святая церковь весьма равнодушна к золоту – это вещь конечно хорошо известная, но чтобы за какими-то сокровищами отправился лично епископ, пусть и отставной – это, пожалуй, было даже ему в новинку.

– Вам надо будет пройти между Каннхом и островом Монаро на север, после чего бросить якорь в Коралловой Бухте. Там мы сойдем на берег, пойдем в лес... недалеко, заберем груз и возвращаемся. Так что?

– Что за груз? – с нажимом повторил корсар.

– Хорошо... – после долгой паузы процедил епископ. – Нам предстоит забрать золото из руин храма...

– Это какого-же? – недоверчиво процедил Эохайд. Что-то не припомню там...

– Из руин храма ата-аланцев, – вымученно процедил экс-епископ.

– Вам следовало бы начать с этого, – молвил Эохайд, намереваясь встать. – Тогда бы я просто предложил поискать другого капитана, и не тратить время. Тысяча риэлей, конечно, хорошие деньги, но если кроме них ничего не светит...

– Что ж, я вас понимаю, – начал Серчер, – но что, если я вам скажу...

– Святой отец! – с укоризненной насмешкой покачал головой Эохайд. Я не учился даже в приходской школе, но я все-таки не деревенский придурок, и кое-что знаю про эти края, и, думается мне, даже побольше вашего. Во всех Дальних Землях не нашлось ни единого следа Древних, хотя их уж искали-искали, что у нас, что на северном материке. Есть даже акт капитула Толеттского королевского университета, предписывающий не принимать прошения насчет поисков всяких ата-аланских штучек в этих местах. Двадцать пять профессоров и тридцать два доктора подписали, вот так!

Экс-епископ озадаченно уставился на Эохайда, явно удивляясь, что неотесанный морской разбойник ссылается на авторитет старейшего университета в Святых Землях.

Это не укрылось от Эомара и вызвало у него приступ ехидной веселости – давай, святой отец, я и не такое завернуть могу...

Вздыхнув, преосвященный покачал головой и вдруг добродушно усмехнулся.

– Тридцать два доктора? Ну что ж, это не первый раз, когда ученые ослы машут хвостами почем зря! А что бы ваши доктора сказали вот на это?

Он сунул руку в сумку на пояс, и поставил перед онемевшим капитаном, маленькую, но увесистую серебристо блеснувшую статуэтку, громко грюкнувшую по доске.

– Ага! – только и вымолвил пират.

Перед ним было небольшое, грубое изображение бога или демона. Больше всего это было похоже на стоявшую на хвосте толстую игуану с головой спрута, оскалившую длинные зубы. Существо имело несомненные признаки женского (гм...) пола, и держало в руках человеческий череп.

– Откуда... – начал было капитан.

– Ее, вместе с картой вынес из джунглей Ничьих земель больше полувека назад капеллан Сен-Кропезского полка, преподобный отец Морио, да успокоится его душа в мире. Он отправился в рейд против эгерийцев вместе с двумя ротами, и оказался единственным, кто вернулся. К сожалению, разум его уже безнадежно помутился к тому времени, как он вышел в расположение нашего десанта.

Эохайд молча кивнул. Преосвященный говорил о Войне Трех королей, когда Арбонн и Хойделл заключили союз, с целью ни много, ни мало – выбить эгерийцев из Дальних Земель, и поделить их между собой. Тогда сорокатысячная соединенная армия почти вся погибла в боях на островах, при неудачной осаде Марагены, да в джунглях Ничьих земель – именно тогда они и стали Ничьими – единственная уступка, какую вырвали у Толетта.

Забавно, что совсем немного времени лет спустя принц Руперт с несколькими тысячами бродяг и авантюристов добился куда большего.

Но не старые войны сейчас занимали Эохайда.

Он и в самом деле был не слишком учен, книг за свою жизнь прочел почти что и не одной, учась всему понемногу у разных людей. Но он, как и полагалось пирату, великолепно разбирался в том, что и сколько стоит.

И накрепко помнил одну нехитрую вещь. Обычное ювелирное изделие идет как полторы цены веса содержащегося в нем металла. Отмеченное клеймом знаменитого ювелира – от трех до десяти. Если мастер покинул сей мир, то может дотянуть и до двух десятков. Столько же берут за украшения с Дальнего Восхода или Юга. Украшения древних времен – будь то Урмосская империя, старые гаэльские королевства островов и материка, или то что выкапывают в сурийских землях из древних курганов, не говоря уже об Уаджете – тут иногда кладут и больше ста монет на вес древней фибулы или гривны.

Но что касается изделий ата-аланцев – вот тут обычные способы просто неприменимы. Каждое из них продается с аукциона, и мало в казне какого короля найдется с сотню тысячетлетних золотых и платиновых фигурок или украшений.

А то, что вещь не подделка, ему было очевидно. И дело тут не в той даже ауре темных давних времен, что окружает крошечного уродливого идола. Просто... Просто до сей поры никто не научился еще так обрабатывать платину, как это делали искусники сгинувшей Благословенной (она же Проклятая) земли.

Ни отливать, ни резать, ни даже толком плавить серебристо-белый, тяжелый и воистину благородный металл не умел никто. Даже растворить ее не получалось у алхимиков. Да, эгерийцы кое-как научились чеканить из нее монету – разогревая в горнах намытый в россыпях платиновый песок или сточенные в опилки самородки, и отбивая раскаленный металл тяжелыми молотами в стальных формах. Но даже простой перстень сделать таким способом можно было лишь после двух-трех попыток.

Так что сейчас на столике стояло настоящее сокровище, стоимостью как минимум в неплохой корабль.

И невольно Эомар проникся уважением к епископу, конечно, обычаи вольных мореходов защищали клиента, но как бы то ни было – принести такую драгоценность в разбойничий притон?

– Хотите, я добавлю ее к задатку? – осведомился служитель Эллы.

– Нет, благодарю, – сглотнув, бросил пират. Хорошо, я... я согласен, – Эомар допил ром и встал, почувствовав при этом легкую дрожь.

– Милейший! – крикнул епископ хозяину таверны. – Перо, бумагу и чернила!

Через несколько минут договор был составлен и подписан.

– Ну, вот теперь, когда все формальности соблюдены, не могли бы вы изложить свой план, капитан?

– Извольте. Но имейте в виду, я все равно должен дать согласие на второго.

– Ладно, ладно, у вас будут возражения относительно капитана Альери?

– Игерны? – переспросил Эохайд. – Но... То есть... Нет, конечно!

* * *

Игерна открыла глаза, приподнялась на койке.

Солнце вовсю било в широкие иллюминаторы, и капитан де Альери недовольно поморщилась.

Надо же – загуляла изрядно!

Оглядела каюту.

Ранее этот фрегат принадлежал Арбоннскому флоту и ходил под белым с цветками розы флагом великой державы. Корабль оказался в руках Игерны де Альери почти без боя. Именно тогда она получила оба свои прозвища – и вполне заслужено.

Спотыкаясь о пустые бутылки, пиратка пробралась к столу, на котором были раскиданы карты, но даже не взглянула на них: острова по бумаге не бегают. Лучше выпить! Женщина перегнулась через стол и потянулась за стоящими под ним непочатыми бутылками. Достав две, плюхнулась на пол, облокотившись спиной о сундук с одеждой (одежда, впрочем, была разбросана по каюте, как и оружие, что было уже совсем не порядком)

Эгерийка чертыхнулась пару раз, пока пыталась выдернуть застрявшую в бутылке пробку. Та не поддавалась, и Игерна в сердцах просто с размаху ударила горлышком по столу, разбивая его – старый кабацкий прием.

Ром весело забулькал, вливаясь в горло и приятно его обжигая.

Ей враз полегчало.

– Хей, Хор! – заорала, выбираясь на палубу. Хей, кастрюльный адмирал, вылезай, капитану закусить нужно!

Из двери камбуза высунулось сначала темное лицо корабельного кока, а потом и вся она целиком.

Босая, с голым животом, в короткой кофточке, едва сходящейся на высокой груди... в кружевном, когда-то роскошном переднике, ныне носящем следы всевозможных блюд, коими Хор'Тага потчевала команду. За кушаком – рукоять топорика, которым рубила мясо. Она вообще предпочитала топор всякому другому оружию.

Лениво подбежала, держа в руках уже заранее готовый поднос с черепашими колбасками.

– Ты как всегда отлично выглядишь, – польстила капитанша своей подруге-мастерице похлебок и каш.

– Что есть, то есть, – буркнула Хор'Тага. – А тебе, абуна, не надо напиваться в стельку, так и мозги пропить недолго.

– Какая я тебе абуна?? – возмущенно воскликнула Игерна. С каких пор я абуна? Я для тебя – капитан де Альери!

Хор лишь улыбнулась, шутливо поклонившись.

Эгерийка доверяла своему коку больше, чем кому бы то ни было на «Акуле».

Были на то причины...

– Подавать завтрак, абуна? – осведомилась Хор.

При мысли о еде тошнотворный комок зашевелился в желудке.

– Нет, спасибо, не хочется что-то, – отказалась Игерна наотрез.

– Как скажете, капитан, – вновь чуть поклонилась Хор'Тага.

Игерна была единственной, кому девушка кланялась.

Три года назад, месяц спустя после захвата фрегата, Игенра взяла на абордаж судно, следовавшее к Арбаосу с сотней рабов на борту. Рассудив здраво, команда «Акулы» решила воспользоваться такой удачей, взяв новый курс, чтобы доставить груз к месту следования и получить куш от торговли живым товаром. И вот когда груз уже сгоняли на берег, Игерна заметила среди рабынь девушку лет восемнадцати с гладкой оливковой кожей и большими красивыми глазами, полными не страха, но ярости. Схватив мулатку за руку, пиратка рывком поставила ее на ноги и впихнула в свою каюту. Что ею двигало в тот момент, она никогда не признавалась. Жалость? Сострадание? Интуиция... Похоже, что последнее – ни к жалостливым, ни к добрым людям Игерну Отважную (она же Бесстыжая) никто не причислил бы. Но прихоть судьбы спасла Хор' Тагу, ставшую с тех пор коком.

– Салуд, капитан! Салуд, Хор! – на палубе появилась третья женщина из команды «Акулы» – Кармиса, корабельный маг.

Маг, по правде говоря, слабенький, так себе... Но другого мага пока не намечалось. Опять же, Кармиса, как ни крути, родилась тут, на одном из островков, и великое Изумрудное Море было ей родным. И это не раз уже выручало «Акулу» и ее лихую команду.

Расхлябано шлепая по доскам пятками, Кармиса подошла.

– Ну что, сестры, когда отплываем? – справилась она, зевая во весь рот. – А то ты, капитан, уже скучаешь – после полуночи притащилась, да загибала так, что боцман позавидовал. Я вот на всякий случай приготовила тебе питье для поправки.

Протянула фляжку.

Роскошное красное платье, уже слегка потрепанное, обвисая складками, сползло с плеча, обнажив гладкую смуглую кожу.

– О-х-х, и впрямь скорей бы в море! Может прибрахлюсь, а то это уже надоело до чертиков, – она недовольно одернула платье.

Игерна улыбнулась.

Пристрастие к роскошным модным платьям было слабостью Кармисы, и она даже выговорила в консорте себе право сверх доли на все женские тряпки, что окажутся на захваченном судне.

И это при том, что сидели они на вчерашней рыбачке чуть получше, чем сутана на мартышке.

Уже не раз магичка приставала к Игерне – пусть де она объяснит, как правильно носить эти господские одеяния? Сама ведь дворянка как-никак!

И капитанша все порывалась объяснить, что не шились эти платья в расчете, что их оденут на голое тело – путь даже такое молодое и крепкое, как у Кармисы.

А полагалось надевать под него пять, ну три, в крайнем случае, нижние юбки с оборками, да еще пояс, на котором держаться чулки, и к которому крепятся фижмы, поддерживающие турнюр. А сверху, под корсаж, надо надеть сорочку, ровно повторяющую форму декольте, и такой же старательно скроенный корсет из плотной ткани да кожаных ремешков, которые затягивают и зашнуровывают, чтобы они поддерживали талию да поднимали грудь. И уж подавно немислимо, чтобы в таком платье появиться босиком.

Де Альери невольно опустила глаза.

Чистую протертую с песком палубу «Отважного» попирали три пары не самых худших женских ножек.

Белые, чуть позолоченные загаром, с узкой аристократической ступней – ее, капитана Игерны Отважной. Смуглые, с крепкими икрами – рыбачки Кармисы. И стройные, блестящие полированным деревом – кока.

Ни дать, ни взять – три богини с трех сторон света из легенд об Ахайской войне, собравшиеся, чтобы решить спор – кому достанется смертный красавчик, царевич Состарп.

– Ладно, заходите или проваливайте! – пригласила, распахнув дверь в свои покои.

Подруги, разумеется, зашли.

Войдя в каюту сама, Игерна плотно закрыла дверь и, раскидывая пинками бутылки, прошла к столу.

Отхлебнула несколько глотков сваренного сестрицей Кармисой пойла и принялась переодеваться. Выпрыгнув из штанов и сбросив рубаху, она, совершенно обнаженная, подошла к сундуку, надавила на шпенечки секретного замка.

В полумраке каюты светилося матовым сиянием ее тело, и топорщились округлости грудей с яркими вишневыми пятнышками сосков. Маг восхищенно прищелкнула языком.

– Вот это сиськи! Ты, капитан, зря не носишь эти вот... со шнурками...

– Корсажи, – машинально подсказала Игерна.

– Ага! – кивнула Кармиса. – Грех перед Эллом такое богатство прятать! Хотелось бы мне такие иметь.

Альери Отважная довольно повела плечами.

– Так ведь твои побольше будут!

– Ну-у-у-у, – скорчила гримаску знахарка, – сравнила! Мои-то обвисшие, хоть я и помоложе тебя... А твои – просто чудо: твердые, аккуратненькие, просто прелесть!

– С мужиками поменьше надо валяться! – пошутила капитанша.

– Ха! А что еще делать, когда работы нет? Так и вовсе забыть можно, что ты женщина.

Не все же такие монашки, как вы с Хор!

Хор' Тага хихикнула. Кем-кем, а уж монашкой она не была.

– Кстати, – хлопнула себя по лбу рукой Кармиса. – В порту новая купальня открылась. Наведалась бы ты туда...

– Зачем?

– Как это, зачем?! Для чего люди в бани ходят? Чтоб мыться, конечно. Вон как пропахла винищем. Хотя что с тебя взять? Ты, наверное, только попав на море, воду каждый день видеть стала!

– Ты это... – нервно передернула плечами Игерна. – Скажешь тоже...

– Хоть мой отец был и небогат, но уж раз-то в неделю корыто горячей воды мы согревали да мыла флакончик покупали... – уточнила.

– Фи, корыто, – сморщила носик магичка. – Сходи в купальню, хоть посмотришь, как люди живут. Там все заведено по восточной моде. Один бассейн чего стоит – размером с небольшое озеро. А уж массажист – закачаешься!

– Массажист? – переспросила Игерна, от неожиданности уронившая юбку. – Мужик?!

– Да что ты! – всплеснула руками Кармиса. – Какой еще мужик – евнух! Танисский. Пальцы у него такие... – она мечтательно закатила глаза.

Игерна и в самом деле вспомнила, что массажистами и слугами у танисцев все больше евнухи работают – а во дворце султана Омасской империи так вообще их, говорят, семь тысяч. Неудивительно, что их при таком количестве уже везут через океан.

Так что сходи – там вот купальня – не то что твоя лохань – он ткнула пальцем в медную ванну за дверью в гардеробную.

А что – ванна как ванна – такие в Арбонне не всякий дворянин имеет...

Ага – как раз малость побольше свиного корыта... Тоже – баловство таскаешь это...

Что верно то верно.

Игерна привыкла ходить в холщовых штанах и бесформенной зюйдвестке, она могла питаться солониной и пить не морщась "кровь базилика" – жуткий пиратский коктейль – треть морской воды, треть пресной и треть рома – но вот без того чтобы хоть раз в три дня не сполоснуться – а лучше каждый вечер – не могла. Для этого даже брала отдельную бочку пресной воды, стоявшую в бывшей гардеробной там же где и ванна.

– Ладно, подумаю, спасибо за совет, – кивнула капитанша.

Повинуясь женской логике, она в первую очередь вытащила пару сережек – больших тяжелых кружков золота. Встав перед зеркалом, вдела в уши жемчужные розетки, не забывая любоваться своим телом. Помнится, ее сравнивали с Девой Моря... Она очень обижалась, думая, что имеются в виду русалки (не на море будь помянуты).

Затем скользнула в рубашку, отороченную кружевами, обмотала бедра айланским суронгом алого цвета («Видела бы сейчас меня дуэнья!»), затем влезла в короткую нижнюю юбку, а сверху натянула юбку обычную – тоже короткую – всего на ладонь ниже колен. Обмотав кушак вокруг талии, сунула за него сзади короткий кривой восточный клинок с волнистым лезвием. Рукою вниз – так, чтобы в случае чего выхватить сразу.

Накинула сверху бурнус.

– Все, сестрички, я пошла. Может, сегодня повезет найти подходящую работенку. А то и впрямь совсем сопьемся...

Схолия первая О ДАЛЬНИХ ЗЕМЛЯХ

Было то уже пять без малого столетий назад в год 2900 от возведения в подлунном мире первого храма Единому Творцу.

В то время еще не было ни пушек, ни аркебуз, и даже ныне забытый за ненадобностью «танисский огонь» считался бесовским оружием, подсказанным язычникам самим Хамираном.

Не было и нынешних стран.

Арбонн был разделен на три герцогства – Гиссу, Ретанну и Арторику. Хойделлыцы только-только закончили свою Войну Лилий, и каждый остров кичился своей свободой, еще не зная, что через три десятка лет Канут Ютский наложит на них свою тяжелую лапу в кольчужной перчатке. Эгерия едва-едва загнала южных язычников за горы, и переводила дух после гибели у Алькантары армии короля Иверо Мученика, надеявшегося сбросить танисцев в море.

Про Сурию, почти стертую с лица земли кочевниками, почитай никто и не слышал, и даже образованные люди, впрочем, весьма немногочисленные, были свято уверены, что за Хелмией, за Сурьянским морем лежат земли одноглазых великанов и собакоголовых людоедов.

А уж о том, что по ту сторону Океана, и помыслить было страшно!

Конечно, в мудрых книгах что-то говорилось о Ата-Алане, а в баснях и сказаниях – о Стекланных островах, островах Дев и великой земле О'Маггал.

Но куда больше веры было эгесскому епископу Косимо, говорившему, что от берегов Арторики до края плоской Земли, где вечно клубится туман от извергающегося в бездну океана, ровно шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть морских миль. Не называли тогда Старые Земли – Старыми Землями, ибо про иные страны почти не знали, именуя огромный остров окруженный девятью морями, где обитают приверженцы истинной веры – Святыми Землями, или даже просто Мир Сей.

Моряки тогда обычно плавали вдоль берегов, ориентируясь по отмелям и прибрежным скалам, по полету птиц и цвету воды, по солнцу и звездам, но больше, пожалуй, полагаясь на чутье.

Компас и у танисцев только появился, а с астрольбией умела обращаться хорошо если три четыре сотни звездочетов и астрологов на всем материке.

Так что моряк, отважившийся пересекать напрямую даже Эгерийское море, не говоря уже о плаваниях к Свальдбарду, считался изрядным храбрецом.

И тем удивительнее было то, что сделали те два человека, имена которых ныне знает каждый моряк. О которых поют песни, и чьими именами называют корабли.

Жили тогда в вольном городе Лирде, поставленном, по преданию, на месте древней крепости ата-аланцев (все города Валиссы поставлены на месте древних крепостей ата-аланцев, и не вздумайте спорить с горожанами!) два морехода.

Первый – амальфиот Илаис Вальяно, сын настоятеля соборного храма Вертранга, отказавшийся от сутаны во имя моря и парусов. Второй – потомственный купец и мореплаватель в невесть скольких поколений, Бранн Мак-Мор.

Как встретились они, в какой таверне, а может быть на одном из столь любимых в Эгерии празднеств, или может на дружеской пирушке у таких же, как они, пенителей моря – теперь уже никто не скажет. Потому как в те уже баснословные времена никому из хронистов не пришло бы в голову интересоваться какими-то там грубыми моряками. А когда спохватились, уже и многих помнивших не было в живых.

Говорили, что Мак-Мор был пиратом, взявшим корабль Вальяно на абордаж и не сумевшим победить Илаиса в вечном бою – отчего, мол, и проникся уважением к противнику, ибо

прежде это никому не удавалось. Другие же, напротив, полагали Вальяно хозяином пиратской флотилии, нанявшим Мак-Мора на службу. Третьи заявляли, что во время плавания китобоев на Норгрейн наткнулся капитан Бранн на каяк обитателей еще не открытого Иннис-Тона, унесенный ветрами далеко от родных вод, но поскольку по необразованности ничего не разобрал из их рассказа, обратился к Вальяно, чтобы тот начертил карту для плавания в земли дикарей. (Понятное дело, выкинутых бывшим пиратом за борт, когда в них отпала нужда). Четвертые – что Вальяно сам нашел в древних храмовых записях карту времен Ата-Алана, да вот не надеялся на свои капитанские дарования... Пятые... Седьмые...

Но как бы ни было, оба они верили в одно – что за океаном и скалистыми островками Эль-Хазарда лежит неведомая людям земля.

Сперва соратники сунулись было со своими идеями в королевский дворец, но придворные лишь отмахнулись от докучливых простолюдинов. А когда они начали толковать о какой-то пользе, которую может извлечь Эгерия из открытия новых стран в океане, им сурово сообщили, что ежели мореходы хотят послужить во славу короля, то пусть для начала найдут деньги в каком-нибудь другом месте, а не у обожаемого монарха.

Купцы выслушали более внимательно, но денег все равно не дали. Вот если бы уважаемые действительно открыли какие-то земли, на которых имелось бы что-то полезное, вот тогда, возможно, их бы и взяли в долю – процентов за десять, ну в крайнем случае – за двадцать.

Церковь Элла устами всех трех епископов королевства заявила, что если и есть там, в водной пустыне, острова, то людям на них взяться неоткуда, и слово истины нести некому. И вообще, пусть почтенные мореплаватели прочтут «Космографию» преподобного епископа Эгесского и хорошо помолятся Элли, чтобы он их простил и вразумил.

Так, может, и до сего дня не были бы открыты Дальние Земли, да только вот и Вальяно, и Мак-Мор были не только мечтателями, но еще и капитанами, и у каждого был свой корабль, и имелись верные люди, готовые пойти за ними.

И вот, на двух галеасах, нагруженных здоровенными кувшинами-арробами с водой и вином, вяленным мясом в смоленых бочках и сухарями в мешках из вощенной кожи, отплыли они из гавани Лирда на закат.

Потом, века спустя, стали говорить, что двум храбрецам тогда воистину сам Элл помог. Ибо шансов переплыть океан на тех скорлупках у них, почитай, было меньше, чем у раненного клыкача – пересечь Море Химер.

Но не зря ведь говорится, что кому суждено сгореть, тот не утонет.

Случаем или чутьем они двинулись именно тем курсом, по которому проще всего пересечь океан. Невзначай курс этот проходил мимо двух островков, где можно было пополнить запасы воды, когда на «Змее Бурь» в качку побились амфоры с водой, и укрыться от шторма, когда маленькую флотилию настиг редкий в тех широтах ураган.

(Острова эти именуются ныне островами Святого Мартина и Святой Агаты.)

Они проскочили мимо Курийского течения, где ветра не дали бы им продвигаться на запад, а сила исполинского потока измотала бы гребцов.

К тому же плавание их пришлось на «тихий год», какие обычно наступают каждые одиннадцать лет.

Наконец, команды настолько верили в своих капитанов, что ни разу за все время плавания никто даже не выразил и тени недовольства, что приходится плыть в неизвестность. И вполне возможно – к гибели.

Так все благоприятно совпало для двух мореходов, одержимых зовом бескрайнего горизонта, что впору было говорить о помощи Творца – не случайно же это плавание потом приводили в пример маститые теологи как доказательство промысла Всевышнего.

Впрочем, трезвый и расчетливый мог бы сказать – так выпали кости.

И кто из них прав? Как судить?

Но, так или иначе, а спустя тридцать четыре дня «Змей Бурь» и «Копье Вертранга» достигли мест, где океанская синь вод сменилась густой зеленью, а вскоре пристали к берегам обширного, поросшего буйными лесами острова. Он получил имя Андайя – в честь девы-спасительницы из старой хойделльской легенды, а море, за цвет воды – Мар-дель-Имарагдо – Изумрудным.

Пристав к берегам обширной бухты, Вальяно и Мак-Мор провозгласили найденную землю владением эгерийского королевского дома. (А что же еще могли сделать его верные подданные?)

Но плыть дальше оказалось невозможно – как выяснилось, какие-то морские черви источили днища кораблей, так что первый же шторм пустил бы галеасы ко дну.

Однако ни капитаны, ни их команды не пали духом. Вытащив суденышки на берег, они разобрали «Змея Бурь» по досточкам, и за три месяца отремонтировали «Копье Вертранга».

Пока одни возрождали к жизни корабль, меньшая часть моряков рассылалась деятельными Вальяно и Мак-Мором по острову на поиски древесины, смолы, дичи и, прежде всего, людей. Однако если кабаны, огромные морские черепахи и здоровенные нелетающие птицы с вкуснейшим мясом попадались в изобилии, то ни туземцев, ни даже следа человеческого эгерийцы не встретили.

С вершин прибрежных холмов моряки видели на горизонте очертания других земель, но ни разу не промелькнул в морской дымке парус.

Пренебрегая опасностью, Вальяно с добровольцами-храбрецами сплавал на соседние острова на шлюпках – и не нашел там ни малейшего следа человека. Для него, грезившего уцелевшими за морем городами Ата-Алана, это было сильным разочарованием.

Зато было найдено кое-что другое, что и определило дальнейшую судьбу новооткрытых земель.

Думая, как защитить дерево бортов от червей-точильщиков, Мак-Мор решил поискать, нет ли поблизости в горах слюды или свинцовых руд, чтобы было чем обить днища.

И вот, один из посланных им матросов, Федерико Анхелико, нашел в одном из горных ручьев тяжелый рыжий камень, при своем невеликом размере внушительно оттягивающий руку. Моряк прекрасно знал, что это такое, ибо два года провел в кандалах на рудниках Светоча Веры, халифа Иддин-ар-Уны, добывая золото.

В короткий срок мореплаватели обратились в старателей, так что даже работы на «Копье Вертранга» затормозились. И за месяц, пока не иссякла россыпь, намыли ни много, ни мало – восемнадцать пудов этого металла. Больше, чем было в казне даже очень богатых земель приверженцев истинной веры, за вычетом разве что монархов-пиратов Норгрейна, да еще амальфийских торговых городов.

И вновь люди удержались от соблазна, золото не помutilо им разум, и никто не попытался устроить резню – ведь это были моряки из Лирда, заслужено считавшиеся лучшими в западных землях. Добыча была поделена по справедливости.

Погрузив золото на «Копье», они кинули жребий, кому остаться на вновь открытых берегах, а кому плыть обратно – ибо всех не вмещал корабль, да и запасы в трюмах были не бесконечны.

Принять «Копье Вертранга» под свое начало выпало Бранну Мак-Мору.

А Вальяно и те, кому не повезло, остались ждать возвращения товарищей. На берегах бухты, получившей имя Бухты Провидения, они zaloжили первое поселение, назвав его Геоанадакано, что на древнем языке значило просто – Новый Город. И принялись в ожидании возвращения товарищей искать новые россыпи золота, корчевать лес под первые посевы, да плавать на соседние острова, все еще надеясь встретить хотя бы след человеческий.

Мак-Мор же ушел в море. И вновь доказал, что он и в самом деле лучший капитан всех западных морей – от Тингиса до Тромсборга.

Он прошел вдоль побережья северного материка, найдя-таки заморских антиподов (впрочем это уже совсем другая история). Он сумел, поймав весенние восточные ветра, оседлать то самое Курийское течение, счастливо миновав с его помощью мертвые штили «сухих широт», отбиться от борребийских пиратов у мыса Хегарон и вернуться в Лирд, уже оплакавший своих сыновей ушедших в никуда.

По преданию, король Хайме Говорливый целый час не мог вымолвить ни слова, когда Бранн опустил к его ногам тяжелое блюдо с золотым песком, и так же молча коснулся монаршим клинком плеча Мак-Мора, посвящая того в рыцари...

(Можно лишь представить королевскую радость – ибо после провалившегося похода его старшего брата на Тингис в казне с тоски, наверное, повесились последние мышцы).

Назад Мак-Мор отплыл во главе уже трех десятков кораблей, которые везли первых желающих поселиться на новых землях, и через месяц с небольшим привел их в бухту Гоандакано...

Вальяно и Мак-Мор совершили еще два плавания в Иннис-Тор. Одно – вдоль побережья на юг, до устья исполинской реки, получившей имя река Святого Лауренцио, и второе – за мыс Мароно, открыв Великий, он же Бескрайний, океан, который через почти век пересечет Ино де Ронго: человек, впервые обогнувший мир, наглядно доказав, что Элл сотворил его круглым.

Первооткрыватели Дальних Земель решили, что сумеют пройти бескрайние водные просторы – и спустя год отошли на трех кораблях из новозаложенной гавани Геанодакано на Запад.

И больше никто никогда не видел их выпелов. Но говорили, что не погибли они, а просто в великой неисповедимой милости своей Всевышний сделал так, что корабли их ушли в *Нездеишие Моря*, где и странствуют они до сих пор.

И по сию пору поют в кабаках всех портов от Корисса, до Рединга «Балладу о двух мореходах», открывших Дальние Земли.

*Малым вперед,
как вел их лот, солнце в тумане все дни, —
Из мрака в мрак,
на риск каждый шаг, или, как ветер, они.
И вел их свет
ночных планет, карта северных звезд,
На норд-норд-вест,
Западный Крест, за ним Близнецов мост...*

Глава 4

«Я повел себя как молодой дурак, который спьяну устраивает дела, а теперь терзается от жадности и сомнений... – злился Счастличик, шагая домой. – К Эллу!! Лучше работать по мелочи, чем быть у кого-то на побегушках. Тем более – у попов! И Игерну еще приплел! Хотя ее приплел не я а этот самый епископ».

Ладно, раз уж заказ взят, то надо его исполнять. Хочешь, не хочешь – надо поднимать ребят, тем более они и впрямь застоялись.

Трудно сказать, что там есть и сколько, и не надул ли его преосвященный для какой-то своей надобности, но уж раз взялся, то слово надо держать, иначе какой же он пират?

Поднявшись на второй этаж «Зеленой Бороды» и найдя третью дверь, он осторожно открыл ее и заглянул вовнутрь.

Там, наконец, увидел Геордана. Его боцман крепко спал и из его полуоткрытого рта раздавался могучий храп.

Эохайд стоял очень тихо, любуясь открывшейся перед ним картиной: Геордан лежал, обнимая своими громадными ручищами двух юных и прелестных девушек.

Капитан усмехнулся в усы, прошел через комнату и оказался рядом со спящим трио.

– Полундр-ра! – гаркнул, что есть мочи.

Девушки с криком вскочили на ноги и, увидев чужака, поспешили прикрыться простыней. Видать, работали недавно, и не прониклись тем равнодушным бесстыдством, что отличает опытных постельных тружениц.

– Вставай, дружище, – усмехнулся Эохайд. – Время вышло.

Бернардо очумело выпучил глаза.

– Опохмелись-ка! – протянул ему Счастличик кружку. – Где остальная команда?

Помощник схватил сосуд и с жадностью осушил. На его лице появилось более-менее осмысленное выражение.

– В заведении Лерны, где ж еще?..

* * *

Его парни сидели вокруг ложа и играли в карты – старые пергаментные квадратики затерлись почти до полной неузнаваемости. Все бы ничего, но играли они на спине у полуголой темнокожей девки, растянувшейся с закрытыми глазами на оном ложе. Моряки азартно шлепали картами по узкой блестящей спине, как по самому обычному столу.

В уголке сидела, потягивая арбоннское белое вино по десять серебряных за бутылку, Маго Языкастая. Шлюха уже не юная, но отличавшаяся умом и умевшая поддержать разговор в хорошей компании, за что и ценилась. Ведь вранье, что мужику нужно от бабы только одно. Бывает нужно и еще многое другое...

Он посмотрел на нее – и Маго, как дама неглупая, тут же удалилась, прихватив как бы невзначай и вино.

Моряки пару раз пнули девку, на спине которой так и остались раскинутые карты, но та даже не замычала, лишь глубокодохнув, наполнила комнату духом перегара.

– Ладно, пусть ее, – сообщил Эохайд, – Заканчиваем, ребята, чалиться, – не терпящим возражения тоном молвил он. – Нашел я для нас работенку. Мы идем к Коралловому Заливу.

– В Ничьи Земли? – переспросил боцман. – А что там делать? Лесорубов трясти ради черного дерева? Или жемчуголовов? А потом самим бревна грузить?

– Нет, – просто ответил капитан. – Искать сокровища ата-аланцев...

Лица морских волков отразили глубокое разочарование. И неудивительно – про затерянные города ата-аланцев в землях Иннис-Тора говорят чуть ли не со времен Бранна и Вальяно.

– Успокойтесь, парни, дело верное. Я заключил консорт с господином Северином из Ордена Меча Истины, а у того железные доказательства.

Эомар не счел нужным называть полное имя заказчика.

– еще и поп... – пробормотал кто-то.

– Наша доля – треть того, что мы там найдем.

– Ага, – Геордан был явно зол на приятеля за то, что тот испортил ему удовольствие, – лазать по болотам и бултыхаться в мангровых зарослях?! Да пусть твой монах забирает и остальные две трети, и роется в этом дерьме сам! Эохайд, дружище, ты никак поглупел!

– А что ты скажешь насчет тысячи полновесных ризелей, старый перец? – улыбнулся в ответ капитан. – Из них пять сотен уже завтра?

Лица как по волшебству изменили выражение.

– Тысячу? – переспросил кто-то. – Недурно. А далеко то место?

– Не очень, – пожал плечами Счастливчик.

– Четыре-пять дней туда, дней пять-семь там, ну и обратная дорога – дней пять, – начал загибать пальцы Фрейсон, который хоть не умел ни читать, ни писать, но в подсчетах, касающихся добычи, мог дать фору любому эгерийскому казначейскому нотариусу. – Двадцать дней самое большое... По шесть золотых на долю – и сотня сверх! Ну, капитан, за такие деньги можно искать хоть самого Хамирана!

Моряки кинулись вон из борделя – собираться. А темнокожая шляха-«стол» даже не пошевелилась. Похоже, она и в самом деле спала.

* * *

Эохайд шел по улице, слушая болтовню своих топающих позади ребят, уже предвкушающих «отвальную» пьянку, и думал.

Воспоминания опять нахлынули давящей тяжестью. Пусть все перегорело, пусть месть исчахла... Но все же никогда не думал, что придется работать на церковь, мать нашу!

...Это было давно и далеко отсюда. Там, где море не зеленое, и даже не синее, а серое и холодное...

В тот день – серый, декабрьский – в тот день шел снег. Летела по ветру крупная, как горох, снежная крупа, набивалась в стыки между булыжниками городской площади; пахло первым снегом, навозом и дымом; переступали, фыркая паром, лошади. Тонкие оголенные ветви царапали небо, и побуревшие палые листья заledenели в грязи, втоптанные конскими копытами.

И помост казался мальчишке огромным, до неба, – желтые свежеструганные столбы, и где-то высоко-высоко, под самыми сеющими темные точки хмурыми тучами, столб с привязанной к нему фигуркой. Возле столба выложены вязанки сухого хвороста.

Народу собралось немало – почитай, половина городка.

Еще бы – давненько, уж лет с пятьдесят, не веселил Священный Трибунал обывателей Глейвина аутодафе.

Эохайд не выдержал, отвернулся. И стоявший рядом с ним стражник – немолодой пузатый дядька, грубовато, хотя и без излишней жестокости – что поделать, приказ – повернул его голову. Вновь его взор обратился туда, где ожидала смерти в огне его мать.

Он вновь отвернул голову. И вновь стражник оборвал эти попытки.

Пристав с эшафота охрипшим басом зачитывал приговор.

До слуха Эохайда доносились лишь отдельные слова.

Отравительство... наведение порчи... лишение мужской силы... убийство детей во чреве матери... служение Рогатому...

Толпа встречала речь судейского злобным гудением, хотя обреченная бездушным законом на смерть Сихен Мей не сделала никому из них ничего дурного. Сколько их детей, что тоже собрались тут и развлекаются, кидая комья грязи в эшафот, появились на свет с ее помощью! Сколько женщин, одобрительно выкрикивающих: «Сжечь ведьму!!» спасено от родильной горячки!

Мама Эохайда молчит, лишь вздрагивая, когда очередной комок грязи попадает в нее.

Эохайд молча смотрел на маму, зная что видит ее последний раз. пытки и истязания превратили цветущую молодую женщину в полуседую старуху. Она молчала, лишь плечи вздрагивали в рыданиях, и слезы текли по красному от ветра лицу с незаживающим ожогом от каленого железа на щеке...

И нет у нее уже сил кричать, что все это ложь, что нет за ней никакой вины, кроме того, что отказалась удовлетворить похоть верховного инквизитора графства.

Вот он – сгорбленный козлобородый монах в ярко-белой рясе, злорадно ухмыляющийся. Еще бы, теперь ни одна вдовушка, ни одна девушка округи не откажет ему, помня, что случается с гордячками! Приговор судей окончательный и обжалованию не подлежит, ибо по делам Священного Трибунала миловать может лишь архиепископ – а какое дело столь высокой особе до какой-то простолюдинки?!

Тут же и судьи светского суда. Двое разражено взирают на толпу и эшафот, явно думая лишь об одном – чтобы неприятная процедура закончилась, и они отправились бы по домам. Третий, немолодой здоровяк отводит глаза, угрюмо подергивая себя за бороду.

Много позже Эохайд узнает, что лорд Редди единственный из трех не подписал приговор, заявив в лицо преподобному Акури, что серьезных доказательств нет, а под пыткой даже сам инквизитор сознается в чем угодно, хоть в сожительстве с Хамираном.

Но двое других не были столь разборчивы, а может просто не хотели ссориться с церковью, и судьба целительницы Сихэн Мей была решена.

Вот оглашение приговора закончилось, и палач поднес к хворосту пылающий факел. Пламя жадно набросилось на поживу... И вырвавшись из рук стражника Эохайд ринулся по неровному булыжнику улицы куда глаза глядят – лишь бы подальше от воя пламени и воя толпы...

Последнее что сохранил его взгляд – серую сутану преподобного Акури, на которую бросает рыжие отблески разгорающееся пламя. Рука его лежит на эфсе церемониального клеймора – знака посвященного ордена Меча Истины...

...Это случилось в Хойделле. Там, где море мутное, серо-зеленое и холодное, где зимой идут дожди со снежной кашей...

* * *

Гавань была полна народа.

Игерна с трудом пробиралась через толпу торговцев. Кругом были натянуты тенты, и стояли открытые палатки, наполненные всевозможной одеждой, обувью, кружевами, скобяными изделиями, вином, маслом, инструментами, галантереей, благовониями.

Она потратили около получаса, прежде чем выбрались из толпы, но теперь мимо нее постоянно сновали носильщики, переносившие тюки с хлопком, табаком, индиго, какао, ванилью, сундуки с жемчугом, золотом, серебром, кораллами и изумрудами.

Где же эта купальня, о которой говорили подружки?

Кармиса сказала, что это где-то поблизости от таверны «Луна и устрица», куда направлялась капитанша.

Так, «Черный Кот», «Синий Якорь», «Зеленый Дракон», «Рука Короля», «Корабль», «Сахарный Хлеб», «Серебряная Корона», «Три Моряка», «Водяная мельница»... Сколько же их тут понатыкано?!

Ага, вроде оно.

Приличное на вид здание с двумя куполами, отделанное мрамором. На вывеске изображен темнокожий мускулистый красавец, лукаво подмигивающий прохожим: мол, не зайдете ль?

Зашла.

Точно такой же красавец, но уже живой, почтительно встретил ее и проводил в предбанник. Здесь де Альери разделась и, завернувшись в простыню, прошла в наполненный паром зал. Отчего-то он пустовал. Лишь все тот же красавчик-атлет с темной кожей приветливо улыбался дорогой клиентке.

– Массаж, абун?

Так это и есть евнух-массажист?! Надо же, как обманчива наружность! А она думала...

– Меня зовут Ондонго.

– Ну, давай, – позволила.

Он уложил ее на горячую мраморную плиту. Лицом вниз.

Содрогнулась, ощутив, как на кожу пролилась холодная струйка ароматического масла. Но неприятное ощущение тут же и прошло.

Умелые руки забегали по ее спине, рукам, ногам, разминая каждую косточку. Девушка замурлыкала от удовольствия. Похоже, парень и впрямь был мастером своего дела.

Что интересно он чувствует, прикасаясь к недоступному для него женскому телу?

Хотя... Слышала она что если евнуха оскотили не в детстве, и так сказать не полностью, то он вполне может быть для женщины полезным...

Игерна осознала, что происходит, лишь секунды через три после того, как сверху на нее навалилась необорная тяжесть чужого тела.

Она дернулась, пытаясь вскочить, но крепкие руки притиснули ее к мрамору.

А потом горячая сладость наполнила ее, расслабив вмиг налившиеся сталью мышцы, и она ощутила мужскую плоть – отменно твердую и тугую, там, где этой самой плоти не было уже весьма давно.

Промелькнуло в голове: хороша она будет, если сейчас начнет орать, кричать, отбиваться, поднимая на ноги все заведение. Но потом стало не до мыслей.

Первый раз она издала негромкий стон наслаждения. Второй – буквально завывала от блаженства. Третий – вновь застонала, но стон этот длился, казалось, вечность. На четвертый раз ее сил хватило лишь испустить долгий тихий вздох.

Тяжесть исчезла.

Морячка перевернулась на спину.

Ондонго стоял перед ней – высокий, мускулистый, слегка грузный, но совсем не похожий на обычного евнуха – жирного и женоподобного. Зато подобный статую бога Йолла, которого местные темнокожие упорно именуют святым.

– А если б я выпустила тебе кишки? – осведомилась Игерна, расправляя мышцы. – Не боялся?

– Нет, абун, – он скрестил руки на груди. – Не боялся. Ондонго знает, что нужно женщинам. Ваше тело тосковало по мужчине, и я дал вам то, чего вы хотели. Я знаю, что нужно женщинам, и делаю это хорошо... Меня обучали этому в школе Айф-Дагана...

Игерна что-то слышала об этом танисском городе, знаменитом своими рабскими рынками.

– Вам нечего бояться, – произнес массажист. – Ондонго умеет хранить чужие тайны. Многие женщины этого города были тут, и ни про одну не было плохих разговоров.

Встав, Альери-Отважная сполоснулась с ног до головы, зачерпнув ковшом теплой воды из лохани, потом влезла в бассейн, где минут пять плескалась в прохладной горной воде.

Выбравшись, еще раз оглядела интерьер купальни. Белый мрамор пола. Дерево потолка. Медь лохани.

Темно-коричневая бронза тела массажиста...

Улыбнулась и вышла в предбанник, где – о чудо! – ее ждала чисто выстиранная и быстро высушенная одежда.

Ондонго молча стоял в дверях, глядя, как она одевается.

– Чего тебе еще? А, ну спасибо, красавчик, – бросила Игерна. – Ты был великолепен, братец!

– Я не брат вам, – возразил со всей возможной серьезностью банщик, – черные и белые люди были созданы разными богами.

– Слышал бы это твой духовник! – рассмеялась капитанша.

– Это так, – бросил он с чувством то ли гордости, то ли презрения (к кому?).

Девушка оделась и уловила вопросительный взгляд Ондонго.

– А теперь чего?

– Полкроны, – скромно сообщил он.

Игерна улыбнулась. Вообще-то в обычном борделе за полкроны работали только самые свеженькие девушки.

– А не жирно будет – пять скеатов? Ну ладно... – развязала кошель.

Поморщилась – полукрон у нее не имелось. Мельче кроны она с собой не носила.

– Лови, – в ловко подставленную ладонь упала серебряная монета с профилем Руперта II.

Отойдя за две улицы от «Танисских бань Эзейры Лура», Игерна разыскала трактир «Луна и устрица», где столы были выставлены на улицу, под навес из плюща, и, усевшись за столик, саркастически рассмеялась.

Вот как дела обернулись! Ее, одну из трех женщин-капитанов когда-либо плававших в водах Изумрудного моря, эгерийскую дворянку не самых, причем, худших кровей, попросту отымели, как зазевавшуюся шлюху в темном переулке.

«Ну, сестричка Кармиса, ну удружила!! Ну, ничего – вернусь на корабль и разберусь с тобой!»

Стоп, а кто сказал, что магичка тут вообще причем? Может, ее массажист и не драл: уж вряд ли девчонка долго обходится без мужчин! Не то, что она сама.

Вернее, ей приходится. Потому что женщина может стать капитаном в мире сем, но лишь если не будет проявлять женских слабостей. Бессонные ночи, когда сквозь стенки каюты доносятся стоны и ржание матросов, приведших веселых девчонок на корабль, закушенная подушка, редкие, урывками встречи с приглянувшимися мужчинами в номерах трактиров, торопливые соития в дни безумного карнавального веселья, когда под маской не видно – кто ты. Но такова плата судьбе за право быть тем, кто ты есть.

Да еще вот так – поневоле пожалеешь что тут не Сеговеза с ее дюжиной борделей для дам! И уж не так все плохо и вышло с этим... евнухом! Правда вряд ли она сможет бывать в этих банях слишком часто – а то ведь пойдут разговоры...

Игерна навсегда запомнила то, что сказала ей во время их второй и последней пока встрече Миледи Ку. Тогда они собрались в одном из ее убежищ в глубине Архипелага, где на берегу незаметной почти с моря бухты стоял особняк из кедра, какие во множестве любили строить в колониях...

Было их тогда с десятков капитанов, прибывших, чтобы договориться о разделе «охотничьих угодий» – хозяйка обожала улаживать подобные дела.

После переговоров был пир для гостей. Во главе стола восседала сама Миледи, по правую руку от коей сидел нахохлившийся плешивый арбонн, ее муж: настоящий граф из пленных.

А по левую – ее камеристка, юная креолка, на которую повелительница пиратов бросала уж слишком откровенно нежные взгляды.

Пир прошел под аккомпанемент оркестра пленных музыкантов, еда была подана приготовленная бывшим адмиральским поваром – из пленных, перемены блюд и напитков объявлял мажордом – тоже из невыкупленных пленников.

Миледи все время мило шутила, играя радушную госпожу богатого поместья, называла присутствующих своими «возлюбленными братьями и сестрами»...

И вот следующим утром Игерна выглянула в окно, разбуженная шумом и смехом.

И увидела как ее новая приятельница – хозяйка «Русалки» Дарьена Бешеная в чем мать родила плескалась в прибое, весело уворачиваясь от двух матросов своего фрегата, таких же голых и, хм, весьма возбужденных.

Позади Игерны раздался тихий смешок.

Обернувшись, эгерийка увидела бесшумно вошедшую Миледи, облаченную в пышный халат пурпурного сянского шелка, затканного золотыми фениксами.

– Ты ей завидуешь, девочка? – сдвинув тонкие выщипанные брови, прямо справилась госпожа Ку, решив пренебречь приветствиями.

Игерна лишь передернула плечами, не без некоторого злорадства отметив морщинки на лице хозяйки и уже начавшую увядать кожу шеи и рук.

– Знаешь милочка, – сообщила королева пиратов, небрежным жестом приглашая Игерну присесть за столик, на который вышколенные лакеи уже расставляли серебряные чашечки с дымящимся шоссом – и сервиз, и шосс и лакеи были само собой, тоже корсарскими трофеями, – не завидуй глупышке. Поверь мне, старой акуле: в нашем дерьмовом мире, что правда, то правда, и баба иногда может быть капитаном, да только вот этот капитан уже никогда не сможет быть бабой. Дарьена, даром, что не сильно старше тебя, понимает в морском деле больше иного придурка, двадцать лет проторчавшего на мостике. Она обращается со всякими железяками не хуже матерого эспадачина, она даже курс может прокладывать, что не всякий офицерик в эполетах сумеет. Она, наконец, удачлива как сто морских чертей, но это ей не поможет. Потому что она путает свою команду со своим гаремом. Так что поверь, недолго уже нашей сестре Бешеной удивлять этот дерьмовый мир. А ты запомни вот что – ты можешь завести роман с губернатором, с епископом, с капитаном любого из вольных мореходов, с адмиралом Оскаром, с протектором Супремы или с любым грузчиком. Можешь даже купить смазливую раба и поселить его в отдельном домике. Это все тебе простят, как прощают мне моих девочек... – Миледи Ку многозначительно усмехнулась. – Но упаси Элл тебя лечь в койку с кем-то из своих матросов или офицеров, потому что ты перестанешь для них быть капитаном, и станешь обычной бабой, к которой тут же выстроится очередь, как к портовой шлюхе. Поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.